

Шота Руставели

Витязь в тигровой шкуре

Бессмертная поэма великого грузинского поэта Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» одно из замечательнейших произведений мировой литературы.

Еще задолго до нашей эры грузинский народ создал свою высокоразвитую материальную и духовную культуру. Об этом красноречиво говорят произведения писателей античной эпохи, арабских и армянских историков, грузинских летописцев. Уцелевшие до наших дней многочисленные памятники древней грузинской культуры поражают тонкостью мастерства, изощренностью вкуса, размахом творческой мысли.

Красота и богатство природы, исключительное географическое и стратегическое положение территории издавна привлекали к Грузии различных завоевателей: греков и римлян, персов и арабов, турок и монголов. Но свободолюбивый грузинский народ самоотверженно сопротивлялся иноземным поработителям. В непрерывных кровопролитных боях за сохранение своей независимости он выковал собственную, глубоко самобытную культуру, пронизанную духом мужества и отваги, свободолюбия и патриотизма.

Своеобразные черты грузинской национальной культуры нашли особенно яркое выражение в художественной литературе. Древнейший период развития грузинской литературы ознаменовался рядом произведений, не утративших своего значения и интереса до наших дней. Несмотря на то что большинство из них носит религиозно-церковный характер, в них отражены события народной жизни.

В произведении писателя V века Якова Цуртавели изображается мученический подвиг грузинки Шушаник, которая предпочла смерть рабству и измене своему народу. Писатель VIII века Иоане Сабанидзе описал жизнь тбилисского юноши Або, преданного своему народу и мужественно принявшего смерть от руки арабских завоевателей. Это замечательное произведение древнегрузинской литературы овеяно духом героической освободительной борьбы.

В XI-XII столетиях в Грузии мощно развивается светская художественная литература. Этому способствовал весь характер эпохи, ознаменовавшейся наибольшим расцветом государственной, экономической и культурной жизни древней Грузии.

Наиболее ярко самобытный характер грузинской культуры проявился в гениальной поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», являющейся вершиной грузинской классической поэзии.

Руставели жил и творил на рубеже XII и XIII столетий. Он был современником царицы Тамары, которой и посвятил свою поэму.

Руставели был для своего времени глубоко образованным человеком. Он впитал в себя все лучшие традиции предшествовавшей и современной ему грузинской культуры, в совершенстве овладел всеми достижениями философской и литературной мысли как восточного, так и западного мира.

Давно установлено, что в поэме Руставели отражена современная поэту жизнь грузинского народа. Предположение, что сюжет ее заимствован из персидской литературы, лишено всяких оснований, так как ни в персидской, ни в какой-либо другой литературе не оказалось произведения, имеющего подобный сюжет. В поэме повествуется о событиях, происшедших в Аравии, Индии, Хорезме и других странах Востока. Однако ученые с полной убедительностью доказали, что это обстоятельство объясняется лишь стремлением поэта завуалировать изображенные в произведении конкретные события, имевшие место в жизни Грузии эпохи Руставели. Некоторые сюжетные мотивы поэмы с предельной точностью совпадают с историческими событиями того времени. Например, «Витязь в тигровой шкуре» начинается сказанием о том, как царь Аравии Ростеван, не имевший сына-наследника, чувствуя приближение смерти, возвел на престол единственную дочь — прославленную

красотой и умом Тинатину. Такое событие произошло в Грузии в конце XII столетия. Царь Георгий III, обеспокоенный тем обстоятельством, что у него не было сына-наследника, посоветовавшись с приближенными и заручившись их согласием, еще при жизни сделал царицей свою единственную дочь Тамару.

Этот факт имел место только в Грузии эпохи Руставели, и никогда ни в какой другой стране он не повторялся.

Больше семи с половиной столетий отделяют нас от времени создания «Витязя в тигровой шкуре». На протяжении всего этого времени поэма была любимейшей книгой грузинского народа. Не только в образованных кругах, но и в широких народных массах поэму заучивали, повторяли, распевали. Исключительную популярность и подлинную народность поэма сохранила и по сей день. Она стала достоянием не только грузинского народа. Не многие произведения мировой художественной литературы столь блистательно выдержали испытание временем.

В чем же залог бессмертия гениального творения средневекового грузинского поэта? В глубоко прогрессивном для своего времени идейном содержании произведения, воплощенном в блистательной художественной форме.

В отличие от всех знаменитых художественных произведений средневекового Запада и Востока поэма Руставели свободна и от магометанского фанатизма и от христианской схоластики.

Опередив на целых полтора-два столетия европейский Ренессанс Руставели создал первое в средневековом мире глубоко гуманистическое произведение, пронизанное чувством любви и сострадания к человеку, воспевающее возвышенные человеческие чувства и утверждающее идею торжества свободы и правды над миром рабства, насилия и угнетения. Не мифологические персонажи и небесные силы стоят в центре поэмы Руставели, а живые люди с их человеческими чувствами, страстями, стремлениями. Герои поэмы — люди исключительной физической и духовной силы.

В основе поэмы лежит идея освобождения человека от царства тьмы, рабства и угнетения. Поэма повествует о победоносной борьбе трех друзей-витязей — Таризэла, Автандила и Фридона — за освобождение плененной каджами прекрасной Нестан-Дареджан, возлюбленной Таризэла, томившейся в суровой и мрачной крепости Каджети. Единоборство между двумя силами: воодушевленными высокими человеческими чувствами любви, дружбы и свободолюбия витязями, с одной стороны, и Каджети, являющейся символом рабства, тьмы и угнетения, — с другой, составляет главный конфликт, лежащий в основе сюжета поэмы. И эта неравная борьба между началами добра и зла, света и тьмы, свободы и рабства завершилась блистательной победой борющихся за торжество свободы и справедливости витязей: они разгромили неприступную крепость Каджети и освободили прекрасную Нестан-Дареджан — воплощенный символ красоты, света и добра.

Таким образом, в эпоху средневекового рабства и угнетения Руставели воспел идеи свободы и справедливости, воспел победу вдохновенного возвышенными стремлениями человека над силами рабства и тьмы.

Зло мгновенно в этом мире,
Неизбывна доброта.

В этих словах поэта выражена основная жизнеутверждающая идея поэмы.

Нестан-Дареджан и Таризэл, Тинатина и Автандил любят друг друга искренней, чистой, возвышенной любовью, воодушевляющей человека на самые благородные подвиги. Герои поэмы Руставели связаны узами самоотверженной дружбы. Автандил и Фридон, узнав о великом горе, постигшем

Таризэла, присоединились к нему. Рискуя жизнью и благополучием, они остались неразлучными соратниками до победоносного завершения борьбы, до разгрома каджетской крепости и освобождения плененной красавицы.

Тариэл, Автандил и Фридон, главные действующие лица поэмы, — люди, не знающие страха в борьбе и презирающие смерть. Они твердо верят, что

Лучше славная кончина,
Чем позорное житье!

И, воодушевленные этим героическим девизом, бесстрашно борются за торжество своих возвышенных стремлений. Такое же мужество и стойкость духа характеризуют и главных героинь поэмы — Нестан-Дареджан и Тинатину. Они могут выдержать любое испытание и смело идут на самопожертвование во имя правды и добра.

Поэма Руставели вдохновлена священным чувством патриотизма, самоотверженной любви и преданности человека родине, своему народу. Герои этого произведения готовы без всякого колебания отдать жизнь за благо и счастье отечества.

Томившаяся в каджетской крепости Нестан-Дареджан получает возможность обратиться с письмом к своему любимому — витязю Тариэлу. О чем просит плененная красавица своего любимого? Не о том, чтобы он пришел и освободил ее от невыносимых страданий и мучений, а о том, чтобы Тариэл поехал на родину и боролся против врагов, посягнувших на свободу и честь отечества. Изображая такой моральный подвиг своей героини, великий поэт выразил ту мысль, что человек при любых обстоятельствах обязан все свои интересы и стремления подчинить долгу перед родиной, делу счастья и благополучия отечества. Таким высоким патриотическим сознанием воодушевлены герои поэмы Руставели. Этим священным чувством озарено все его бессмертное творение.

Тариэл, Автандил и Фридон — сыны разных народов, люди разных вероисповеданий. Это обстоятельство ни в какой мере не мешает им быть преданнейшими друзьями и самоотверженно отдавать жизнь друг за друга. Таким образом, в эпоху средневековой национальной и религиозной ограниченности Руставели воспел глубоко прогрессивную идею дружбы и солидарности народов.

Одна из черт прогрессивности поэмы Руставели — ярко выраженная в ней идея равенства и равноправия мужчины и женщины. Героини поэмы — Нестан-Дареджан и Тинатина — наделены теми же высокими достоинствами, что и Тариэл, Автандил и Фридон, и ничем не уступают им. Об этом же говорит Руставели в известном изречении:

Дети льва равны друг другу,
Будь то львенок или львица.

В поэме Руставели рассыпаны многочисленные изречения — например, высказывания поэта о вредности лжи, его проповедь необходимости проявления стойкости и твердости в любой беде и многие другие. Большое значение для развития грузинской художественной культуры имело учение Руставели о поэзии как об отрасли мудрости, а также осуждение им пустого, развлекательного стихотворчества.

Поэма Руставели высоко поднялась над уровнем эпохи темного и мрачного средневековья, став первой предвестницей гуманизма в мировой литературе.

Но величие и бессмертие этого произведения — не только в его богатом идейном содержании. Оно является подлинным шедевром поэтического творчества, непревзойденным до сих пор образцом в искусстве слова. Написанная в жанре романа в стихах, поэма построена на основе остро драматизированной фабулы, развивающейся по законам нарастающего разворота сюжета. Стиль поэмы способствует ясному выражению глубоких мыслей, заложенных в ней. Словесная ткань этого большого философско-поэтического произведения изобилует замечательными метафорами и сравнениями, богата тщательно подобранными благозвучными рифмами. Мастерским чередованием двух основных стихотворных размеров (так называемых высокого и низкого «шаири») достигнута динамичность ритмической композиции поэмы. Руставели — гениальный художник слова,

рисующий монументальные поэтические образы, наделенные яркими чертами характера.

Темные, реакционные силы злобно преследовали Руставели и старались уничтожить его поэму. Этим объясняется и то обстоятельство, что в официальных исторических документах эпохи Руставели мы не находим имени гениального автора «Витязя в тигровой шкуре».

С тридцатых годов XIII века Грузия подверглась опустошительным нашествиям монгольских орд, разоривших страну. Враги уничтожили большинство письменных памятников эпохи. Из всего литературного наследия эпохи Руставели до нас, кроме «Витязя в тигровой шкуре», дошли только два произведения славных одописцев этого времени — Шавтели и Чахрухадзе — и два памятника художественной прозы: «Висрамиани» и «Амиран-Дареджаниани». Рукопись поэмы Руставели не уцелела. До нас поэма дошла лишь в списках конца XVI и начала XVII столетия. Тираж первого печатного издания «Витязя в тигровой шкуре» был сожжен реакционным духовенством в XVIII веке.

Но народ бережно и любовно хранил преследуемое реакционными силами великое поэтическое творение. На протяжении веков поэма Руставели воспитывала грузинский народ в духе мужества и отваги, свободолюбия и гуманизма. Народ чертил на своих боевых знаменах бессмертные слова поэта:

Лучше славная кончина,
Чем позорное житье!

Шота Руставели оказал огромное влияние на все последующее развитие грузинской литературы. С начала XVII столетия, когда грузинская культура вновь стала возрождаться, поэма Руставели обрела значение подлинного образца поэтического творчества. Великие классики грузинской литературы прошлого века — Николай Бараташвили, Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Важа Пшавела, Александр Казбеги и другие — многому учились у великого Руставели.

Героический дух поэмы Руставели созвучен нашей социалистической действительности — самой героической эпохе во всей истории человечества; он близок нашему советскому народу — самому героическому и свободолюбивому народу в мире. Гуманистические идеалы великого поэта, его благородные мечты о торжестве свободы и правды, о дружбе народов, о равенстве мужчины и женщины нашли осуществление в нашей Советской стране. Воспетое поэтом чувство беззаветного патриотизма, любовь и дружба, мужество и отвага составляют характерные черты морального облика советского человека. Вот почему это великое творение не теряет своей живости и актуальности в наши дни.

«Витязь в тигровой шкуре» стал достоянием всех народов нашей великой Родины. В светлый праздник всей многонациональной советской культуры вылился в 1937 году 750-летний юбилей поэмы. Сейчас «Витязь в тигровой шкуре» переведен на языки многих народов нашей Родины. На языке великого русского народа имеется пять полных переводов поэмы. «Витязь в тигровой шкуре» занял достойное место в сокровищнице классической культуры советских народов, в одном ряду с творческим наследием Пушкина и Шевченко, Низами и Навои, со «Словом о полку Игореве», «Давидом Сасунским» и другими шедеврами народного эпоса братских народов СССР. Поэма Руставели переведена и переводится на многие языки народов Запада и Востока; она занимает достойное место в духовной жизни всего прогрессивного человечества.

Бесо Жгенти

Сказание первое. О Ростеване, арабском царе

Жил в Аравии когда-то

Царь от Бога, царь счастливый —
Ростеван, бесстрашный воин
И владыка справедливый.
Снисходительный и щедрый,
Окруженный громкой славой,
Он до старости глубокой
Управлял своей державой.

И была у Ростевана
Дочь — царица Тинатина.
И краса ее сияла,
Безмятежна и невинна.

Словно звезды в ясном небе,
Очи юные сверкали.
Увидав красу такую,
Люди разум свой теряли.

Вот сзывает царь могучий
Мудрых визирей своих.
Величавый и спокойный,
Он усаживает их.
Говорит: «О, как непрочно
Все устроено на свете!
Сядем, други, я нуждаюсь
В вашем дружеском совете.

Вот в саду моем прекрасном
Сохнет роза, увядая,
Но, смотрите, ей на смену
Появляется другая.
Долго жил я в этом мире,
Ныне смерть ко мне стучится, —
Дочь моя пускай отныне
Правит вами как царица».

Но вельможи отвечали:
«Царь, с ущербною луной,
Как бы звезды ни сияли,
Не сравниться ни одной.
Пусть в саду твоём прекрасном
Роза тихо увядает —
Увядая роза
Слаще всех благоухает.

Но с тобою мы согласны.

Вот тебе решение наше:
Пусть страной отныне правит
Та, которой нету краше.
И умом и благородством
Отличается девица.
Дети льва равны друг другу,
Будь то львенок или львица».

Во дворце среди придворных
Был красавец Автандил,
Молодой военачальник,
Юный воин, полный сил.
Он давно любил царевну
И теперь был рад всех боле,
Услыхав, что Тинатина
Воцарится на престоле.

Вместе с визирем Согратом
Он воздвиг ей пышный трон,
И толпа арабов знатных
Собралась со всех сторон.
И привел военачальник
Всю арабскую дружину,
Чтоб приветствовать царицу —
Молодую Тинатину.

Вот царевну Тинатину
Усадил на трон отец,
Дал ей в руки царский скипетр,
На главу надел венец.
Трубы грянули, кимвалы
Загремели пред девицей,
Весь народ ей поклонился
И назвал ее царицей.

Плачет, плачет Тинатина,
Из очей струятся слезы,
Рдеют нежные ланиты
И пылают, словно розы.
«О, не плачь! — отец ей шепчет.
Ты — царица, будь спокойна:
Перед войском и народом
Сокрушаться недостойно.

Как бурьяну, так и розам
Солнце светит круглый год.
Будь и ты таким же солнцем

Для рабов и для господ.
Справедливой будь и щедрой,
Как душа тебе подскажет:
Щедрость славу приумножит
И сердца к тебе привяжет».

Поучениям отцовским
Дочь послушная внимала
И казну из подземелий
Тотчас вынуть приказала.
Принесли в больших кувшинах
Сотни яхонтов, жемчужин,
И коней ее арабских
Вывел конюх из конюшен.

Улыбнулась Тинатина,
Поднялась из-за стола,
Всё народу раздарила,
Все богатства раздала.
Славных воинов царица
Наделить велела златом.
Тот, кто был доселе беден,
Из дворца ушел богатым.

Солнце близилось к закату.
День померкнул золотой.
Царь задумался, и долу
Он поникнул головой.
Автандил сказал Сограту:
«Царь, как видно, утомился.
Нужно нам придумать шутку,
Чтобы он развеселился».

Вот встают они, пируя,
Наливают по стакану,
Улыбаются друг Другу
И подходят к Ростевану.
Говорит Сограт с улыбкой:
«О владыка, что с тобою?
Почему твой лик прекрасный
Затуманился тоскою?»

Ты, наверно, вспоминаешь
О сокровищах своих, —
Дочь твоя, не зная меры,
Раздала народу их.
Лучше было бы, пожалуй,

Не сажать ее на царство,
Чем казну пускать на ветер,
Разоряя государство».

«Смел ты, визирь! — отвечая,
Засмеялся царь-отец. —
Клеветник и тот не скажет,
Что арабский царь — скупец.
Вспоминая о минувшем,
Потому я огорчился,
Что никто науке ратной
От меня не научился.

Слушай, визирь мой отважный,
Слушай, дочка Тинатина:
Все имел я в этом мире,
Только не дал Бог мне сына.
Сын сравнялся бы со мною,
А теперь по воле Бога
Лишь один военачальник
На меня похож немного».

Слово царское услышав,
Улыбнулся Автандил.
«Ты чему смеешься, витязь?» —
Царь, нахмурившись, спросил.
«Царь, — ответил юный витязь,
Дай сперва мне обещанье,
Что меня ты не осудишь
За обидное признание.

Царь, напрасно ты кичишься
Перед целою страной,
Что никто в науке ратной
Не сравняется с тобой.
Мне известна в совершенстве
Вся военная наука.
Если хочешь, будем спорить,
Кто вернее бьет из лука».

Ростеван, смеясь, воскликнул:
«Принимаю вызов смелый!
Пусть устроят состязанье,
А уж там что хочешь делай.
Повинись, пока не поздно,
А не то, побитый мною,
Трое суток ты проходишь

С непокрытой головою».

Снова царь развеселился,
И смеялся, и шутил.
Вместе с ним смеялся визирь
И отважный Автандил.
Увидав царя веселым,
Гости вмиг повеселели,
Снова яства задымились,
Снова кубки зашипели.

И как только на востоке
Разлилось сиянье дня,
Автандил-военачальник
Сел на белого коня.
Золотой чалмой увито
Было снежное чело,
И оружие гремело,
Ударяясь о седло.

Окруженное стрелками,
Перед ним открылось поле
Меж кустами по оврагам
Звери прыгали на воле.
Вдалеке отряды ловчих
И загонщиков лихих
В трубы звонкие трубили
И навстречу гнали их.

Вот и царь явился тоже
На коне своем арабском,
И охотники склонились
Перед ним в почтенье рабском.
И помощников искусных
Вкруг него скакала рать,
Чтоб считать зверей убитых
Или стрелы подавать.

«Ну, задело! — царь воскликнул.
Будем бить легко и верно!»
Две стрелы взвились из луков
Пали враз козел и серна.
Пыль столбами за клубилась,
Понеслись, как ветер, кони,
И животные помчались
Врассыпную от погони.

Но все чаще били стрелы,
Звери падали во мгле,
Дикий рев стоял на поле,
Кровь струилась по земле.
Два охотника летели
И, стреляя на скаку,
Вдруг коней остановили
На скалистом берегу.

Позади лежало поле,
Впереди — река и лес.
Из зверей кто жив остался,
Тот теперь в лесу исчез.
Царь сказал: «Моя победа!
Эй, рабы, возьмите стрелы». —
«Государь, моя победа!» —
Возразил охотник смелый.

Так, шутя и препираясь,
Над рекой они стояли.
Между тем зверей убитых
Слуги царские считали.
«Ну, рабы, откройте правду, —
Приказал им повелитель, —
Кто из нас на состязанье
Оказался победитель?»

«Государь, — рабы сказали, —
Хоть убей ты нас на месте,
Автандилу ты не ровня,
Это скажем мы без лести:
Много стрел твоих сегодня
В землю воткнуты торчат,
Автандил же полководец
Бил без промаха подряд».

Царь, услышав эти вести,
Обнял славного бойца,
И уныние слетело
С утомленного лица.
Затрубили громко трубы,
И веселая охота
Под деревьями уселась,
Отдыхая от похода.

Сказание второе.

О том, как Ростеван увидел витязя в тигровой шкуре

Вдруг заметили вельможи,
Что над самою рекою
Виден некий чужестранец,
Всех пленивший красотой.
Он сидел и горько плакал,
И коня за повод длинный
Он держал, и конь был в сбруе
Драгоценной и старинной.

Этот витязь неизвестный,
Молчаливый и понурый,
Был одет поверх кафтана
Пышной тигровою шкурой.
Плеть в руке его виднелась,
Вся окованная золотом,
Меч был к поясу привешен
На ремне продолговатом.

С удивленьем и тревогой
Царь на витязя взирает.
Вот раба к себе он кликнул,
К незнакомцу посылает.
Раб подъехал к незнакомцу,
Молвил царское он слово,
Но молчит, не слышит витязь,
Только слезы льются снова.

Что ему слова привета!
Что ему царевы речи!
Он молчит и горько плачет,
Мыслью странствуя далече.
Раб, испуганный и бледный,
Повторяет приказанье.
Раб глядит на незнакомца,
Но в ответ — одно молчанье.

Раб вернулся. Что тут делать?
Царь зовет двенадцать лучших
Молодых рабов отважных,
Самых смелых и могучих.
Говорит: «Черед за вами.
Вот мечи, щиты и стрелы.
Приведите незнакомца.
Будьте доблестны и смелы».

Те поехали. Услышав
Стук оружия на дороге,
Незнакомец оглянулся.
«Горе мне!» — сказал в тревоге,
Вытер слезы, меч поправил,
Потянул коня рукою,
Но рабы уже настигли,
Окружив его толпою.

Горе, горе, что тут случилось!
Он схватил передового,
Бил им вправо, бил им влево,
Он одним метал в другого,
Он иных ударом плети
Рассекал до самой груди.
Кровь текла, храпели кони,
Как снопы валились люди.

Царь был взбешен. С Автандилом
Скачет он на поле брани.
Незнакомец едет тихо.
На прекрасного Мерани¹
Конь его похож. И витязь,
Словно солнце в небе, светел.
Вдруг погоню он увидел
И царя в ней заприметил.

Он хлестнул коня, и взвился
Чудный конь, покорный воле
Седока... И все исчезло.
Никого не видно боле —
Ни коня, ни чужестранца.
Как сквозь землю провалились!
Где следы? Следов не видно.
Не нашли их, как ни бились.

Опечаленный и мрачный
Возвратился царь домой.
Весь дворец пришел в унынье.
Как помочь в беде такой?
Затворясь в опочивальне,
Царь, задумчивый, сидит.
Не играют музыканты,
Арфа сладкая молчит.

¹ *Мерани* — крылатый конь, образ грузинской мифологии.

Так проходит час за часом.
Вдруг раздался зов царя:
«Где царевна Тинатина,
Где жемчужина моя?
Подойди, дитя родное.
Тяжелы мои заботы:
Диво дивное случилось
Нынче утром в час охоты.

Некий витязь чужестранный
Повстречался нам в долине.
Лик его, подобный солнцу,
Не забуду я отныне.
Он сидел и горько плакал,
Он молчал в ответ посланцу,
Не пришел ко мне с приветом,
Как пристало чужестранцу.

Рассердившись на героя,
Я послал за ним рабов.
Он напал на них, как дьявол,
Перебил и был таков.
Он из глаз моих сокрылся,
Словно призрак бестелесный,
И не знаю я донныне,
Кто тот витязь неизвестный.

Мрак мое окутал сердце,
Потерял я свой покой,
Миновали дни веселья,
Нет радости былой.
Всё мне в тягость, жизнь постыла,
Нет ни в чем мне утешенья.
Сколько дней ни проживу я —
Не дождусь успокоенья!»

«Государь, — царевна молвит, —
На златом твоём престоле
Ты владыка над царями,
Все твоей покорны воле.
Разошли гонцов надежных,
Пусть объедут целый свет,
Пусть узнают, кто тот витязь,
Человек он или нет.

Если он такой же смертный
Человек, как мы с тобою,
Он со временем найдется.
Если ж нет, тогда, не скрою,
Был, как видно, это дьявол,
Соблазняющий царя.
Но к чему тебе крушиться?
Что тебе томиться зря?»

Так и сделали. Наутро
Понеслись во все концы,
Чтоб о витязе разведать,
Ростевановы гонцы.
Год проходит — их все нету.
Наконец приходит час —
Возвращаются посланцы,
Но печален их рассказ:

«Государь, в течение года
Мы повсюду побывали,
Мы объехали всю землю,
Но его мы не видали.
Мы расспрашивали многих,
Но, увы, один ответ:
Нет таких на свете, кто бы
В шкуру тигра был одет».

«Ах, — ответил царь, — я вижу,
Дочь моя была права:
В сети адские попал я,
Не погиб от них едва.
То не витязь был, но дьявол,
Улетевший, точно птица.
Прочь печали и тревоги!
Будем жить и веселиться!»

И зажглись огни повсюду,
Ярко вспыхнули агаты,
Заиграли музыканты,
Завертелись акробаты.
Снова пир пошел веселый,
И опять даров немало
Роздал тот, кого щедрее
Нет и раньше не бывало.

В струны арфы ударяя,
Одинокий и печальный,

Авандил сидел тоскуя.
Вдруг в его опочивальне
Появился негр, служитель
Той, чей стан стройней алоэ:
«Госпожа моя, царица,
Ждет тебя в свои покои».

Витязь встал и облачился
В драгоценные одежды.
О, как громко билось сердце,
Где зажегся луч надежды!
Он предстал пред Тинатиной,
Но мрачна была царица.
Он смотрел на Тинатину
И не мог ей надивиться.

Грудь заботливо ей кутал
Мех прекрасный горностая,
Над челом вуаль сияла,
Нежной тканью ниспадая,
Под багряною вуалью
Трепетал волшебный локон.
Авандил смотрел на деву,
Но понять ее не мог он.

«О царица! — он воскликнул. —
Что, скажи, тебя тревожит?
Может быть, найдется средство
То, которое поможет?» —
«Ах, меня тревожит, витязь,
Тот, что плакал над рекою.
День и ночь его я вижу,
Нет душе моей покою.

Ты меня, я знаю, любишь,
Хоть в любви мне не открылся, —
Будь же верным мне слугою
И найди, куда он скрылся.
Злого демона плени ты,
Исцели меня от муки.
Лев, тебя полюбит солнце!
Знай об этом в час разлуки.

Ты ищи его три года.
Пролетят они стрелою,
И вернешься ты обратно
И увидишься со мною.

Поклянемся же друг другу,
Что решенья не нарушим:
Коль вернешься с доброй вестью,
Будем мы женой и мужем».

«О, — воскликнул витязь, — солнце,
Чьи ресницы из агата!
Я клянусь тебе всем сердцем:
Ты одна моя отрада!
Ждал я смерти неизбежной —
Ты всю жизнь мне озарила.
Для тебя я все исполню,
Что бы ты ни попросила».

Так друг другу дали клятву
Автандил и Тинатина,
И ланиты юной девы
Расцвели, как два рубина,
Но ударил час разлуки,
И они расстались снова.
О, как горек час разлуки
Был для сердца молодого!

Ночь прошла в тоске и горе.
Но, проснувшись утром рано,
Автандил предстал веселый
Перед тронном Ростевана.
«Государь, — сказал царю он, —
Чтоб узнали о царице,
Должен я объехать снова
Наши славные границы.

Вождь великой Тинатины,
Равной славному царю,
Я обрадую покорных,
Непокорных покорю.
Я твои умножу земли,
Соберу я дань повсюду,
И с богатыми дарами
Снова я к тебе прибуду».

Благодарный Автандилу,
Царь изволил дать ответ:
«Лев, тебе не подобает
Уклоняться от побед.
Поезжай, твое решенье
Сердцу царскому приятно,

Но увы мне, если вскоре
Не вернешься ты обратно!»

Обнял царь его великий,
Целовал его, как сына...
Вышел витязь, повторяя:
«Тинатина! Тинатина!»
Но к чему моленья эти!
И ушел он одинокий,
Оседлал коня лихого
И помчался в путь далекий.

Сказание третье. О том, как Автандил отправился на поиски Тариэла

Двадцать дней прошло. Приехал
Автандил в отцовский город.
Весь народ навстречу вышел.
Все хотели — стар и молод —
Принести дары и встретить
Молодого властелина.
Но спешит в покои витязь,
Чтоб увидеть Шермадина.

То был сверстник Автандила,
Раб, воспитанный примерно.
Был он к юноше привержен,
И служил ему он верно.
«Шермадин, мой друг любимый,
Молвил юноша тоскуя, —
Знай — мое разбито сердце:
Дочку царскую люблю я.

Слух о витязе пропавшем
До тебя дошел, я знаю.
По приказу Тинатины
Я найти его желаю.
Если витязя найду я
И приют его открою,
Автандил и Тинатина
Будут мужем и женою.

Шермадин, я уезжаю.
В сердце горе и тоска.
На тебя я оставляю
Все арабские войска.

Будь начальником над ними,
Властвуй именем царицы;
С непокорными сражаясь,
Укрепляй ее границы.

Но в походах и сраженьях
Сходен будь всегда со мной.
Вот тебе кафтан мой лучший,
Славный меч мой боевой.
Сделай так, чтоб наш владыка
Про мои не знал скитанья.
Шли ему даров побольше
И пиши ему посланья.

Ожидай меня три года.
Может быть, настанет час,
Я вернусь к моей царице,
С честью выполнив приказ.
Не вернусь — то с этой вестью
Ты предстань пред Ростеваном
И раздай мои богатства
Неимущим поселянам».

Шермадин заплакал горько,
Но послушаться не смеет.
На коня садится витязь.
Небо меркнет и темнеет.
Конь несется через поле,
И далеко за спиною
Остается древний город
С крепостной его стеною.

Год проходит, два проходит,
На исходе третий год.
Много выпало скитальцу
И лишений и невзгод.
Дождь его хлестал и ветер
С ног валил. И в чистом поле
Сколько раз, как зверь, голодный
Ночевал он поневоле.

По лицу земли скитаясь,
Исходил он все пути,
Но того, кого искал он,
Все же он не мог найти.
Уж отчаивался витязь,
С Тинатиной разлученный,

Увядал подобно розе,
Первым снегом занесенной.

Раз в глухом, безлюдном поле
Пошатнулся верный конь.
Авандил остановился,
Слез с коня, развел огонь,
Нанизал он дичь на вертел,
Приготовил скромный ужин:
И коню и человеку
Был в то время отдых нужен.

Вдруг три неких чужестранца
К Авандилу подошли.
Был один в крови и в ранах,
Два других его вели.
«Вы — разбойники! — воскликнул
Авандил. — Остановитесь!» —
«Нет, — ответили пришельцы. —
Помоги нам, храбрый витязь!»

Братья мы и полководцы,
Наша крепость в Хатаэти.
За большим оленьим стадом
Погнались мы на рассвете.
Вдруг предстал пред нами витязь,
Ликом сумрачный и бледный.
Конь прекрасный, как Мерани,
Нес его тропой заветной.

Мы сказали: «Вот светило,
Погрузившееся в грезы!»
И схватить его хотели,
И дерзнули на угрозы.
Но когда мы друг за другом
Подскакали к супостату,
Златокованною плетью
Раздробил он череп брату.

«Вон, смотри, — сказали братья,
Приближаясь к Авандилу, —
Едет он в конце долины,
Уподобившись светилу».
Авандил взглянул и видит:
Вдалеке, едва заметен,
Едет витязь долгожданный,
Ликом сумрачен и бледен.

Значит, были не напрасны
И скитанья и тревоги.
Автандил воскликнул: «Братья!
Утомились вы в дороге —
Вот огонь и ужин бедный,
Отдохните, подкрепитесь.
Если б знали вы, как нужен
Мне печальный этот витязь!»

И помчался он в погоню,
Рассуждая сам с собою:
«Тот, кто встретится с безумцем,
Должен быть готовым к бою.
Неразумный бой погубит
Столь неслыханное дело:

Нужно действовать иначе —
Терпеливо и умело.
Нужно ехать, укрываясь
Средь кустарников и ветел,
Так, чтоб витязь был спокоен
И погони не заметил.
Не к убежищу ль какому
Ныне держит он дорогу?
Дикий зверь и тот имеет
К ночи теплую берлогу».

Но прошло два дня, две ночи —
Нет конца дороге дальней.
Мчится витязь по тропинкам,
Безутешный и печальный.
Лишь на третий день, под вечер,
Через речку переплыв,
Чудный конь на берег вышел
И поднялся на обрыв.

Тут среди густых деревьев,
У подножья скал пустынных
Был замечен вход в пещеру.
И в плаще из шкур звериных
Дева, плачущая горько,
Неизвестного ждала.
Витязь слез с коня, и дева
Незнакомца обняла.

«О Асмат, сестра родная! —
Молвил витязь. — Все пропало!
Не нашло больное сердце
Ту, которую искало!»
Витязь в грудь себя ударил,
Слезы брызнули ручьем.
Так они, обняв друг друга,
Горько плакали вдвоем.

Сказание четвертое. О том, как Автандил встретился с Тариэлом

На рассвете чудный витязь
Снова в дальний путь помчался.
Автандил из-за деревьев
Видел все и удивлялся.
Нет, теперь с дурною вестью
Не вернется он назад.
Тайну витязя откроет
Безутешная Асмат!

Вот он вышел из засады
И приблизился к пещере.
Дева выбежала снова,
Распахнув большие двери.
«Тариэл, — она сказала, —
Ты вернулся? Что с тобой?»
Но, увы, далек был витязь.
Перед ней стоял другой.

Дева вскрикнула, и эхо
Ей в ущелье отвечало.
Автандил схватил девицу,
Но она рвалась, кричала.
«Тариэл! — она молила. —
Тариэл! Вернись ко мне!»
И рыдала и металась,
Точно птица в западне.

«О, не плачь! — воскликнул витязь,
Опускаясь на колени. —
Что тебе могу я сделать?
Кто твои услышит пени?
Твоего я видел друга.
Был он светел и велик.
Кто, скажи мне, этот витязь,
Чей луне подобен лик?»

«О безумец, — отвечала
Дева бедная сквозь слезы, —
Не скажу тебе ни слова —
Не помогут и угрозы.
То, о чем меня ты просишь,
Невозможно знать тебе.
Каждый должен подчиняться
Провиденью и судьбе».

«Дева, ты меня не знаешь:
Я скитался дни и ночи,
Я провел три долгих года,
Чтоб его увидеть очи.
Ты — одна моя надежда.
Не томи меня, молю!
Не страшись открыть скитальцу
Тайну чудную твою».

«Горе, горе! Кто ты, витязь?
Чем тебе я досадила?
То, что я тебе сказала,
Не напрасно говорила.
Поступай со мной как хочешь:
Далеко мой милый друг, —
Кто несчастную избавит,
Исцелит от этих мук?»

Обезумевший от гнева,
Зашатался Автандил,
Крепко за волосы деву
Он рукою ухватил,
Прямо к горлу нож приставил
И сказал, сжимая нож:
«Так же пусть мой враг погибнет,
Как и ты сейчас умрешь!»

«Витязь, — дева отвечала, —
Мне не страшно умереть —
Лучше мне лежать в могиле,
Чем мучения терпеть.
Умирая, перед другом
Я невинна и чиста —
Сохранят навеки тайну
Помертвевшие уста».

Выпал нож из рук безумца,
Исказился от страданья
Лик его, и подступили
К горлу юноши рыданья.
Повалился он на землю
И, рыдая безутешно,
Проклинал себя за грубость
И просил прощенья нежно.

И смягчилось сердце девы,
Затуманился слезою
Взор ее. Склонив колена,
Витязь вымолвил с тоскою:
«На влюбленного безумца,
Дева, можно ли сердиться?
Враг и тот его жалеет.
Пожалей и ты, сестрица!

Я — влюбленный, я — безумец.
Жизнь моя страшней недуга.
По велению царицы
Твоего ищу я друга.
Сжался, дева, надо мною,
Возврати меня к невесте,
Возврати безумца к жизни
Иль убей его на месте».

«Витязь, — дева отвечала, —
Вижу я, что ты страдаешь,
Но помочь тебе сумеет
Только тот, кого ты знаешь.
В шкуру тигра облаченный,
Он зовется Тариэлом.
Я — Асмат, его рабыня.
Горько мне на свете белом.

Мой несчастный повелитель
Возвратиться должен вскоре.
Пусть он сам тебе расскажет
Про любовь свою и горе.
Я устрою так, чтоб витязь
Полюбил тебя как брата.
Отдохни и успокойся:
Ждет влюбленного награда».

И в ответ на эти речи
Шум донесся из ущелья.

Конь, прекрасный как Мерани,
Полон дикого веселья,
Из реки на берег вышел,
И седок, луне подобный,
Весь светился бледным светом
Над дорогою неровной.

В глубине пещеры темной
Быстро спрятав Автандила,
Дева встретила скитальца
И светильник засветила.
Витязь снял свои доспехи,
Молчаливо сел за ужин.
На щеках застыли слезы —
Две слезы светлей жемчужин.

«Витязь, — дева говорила, —
День за днем идут напрасно,
По горам скитаться трудно,
По лесам бродить опасно.
Ты умрешь — она погибнет.
Разве в том твоя заслуга?
Тяжело тому в несчастье,
Кто найти не может друга».

«Ах, — ответил бедный витязь, —
Кто же нам с тобой поможет?
Кто поймет, какое горе
День и ночь мне сердце гложет?
Только я один родился
Под несчастною планетой.
Одинок я в этом мире,
Нет мне друга в жизни этой».

«Тяжко слышать эти речи, —
Робко вымолвила дева. —
Если б я не опасалась
Твоего, мой витязь, гнева,
Я нашла бы человека,
Чьей гордиться можно дружбой,
Он пошел бы за тобою
И служил бы верной службой».

«Я клянусь тебе! — воскликнул
Тариэл. — Клянусь любимой!
Пусть я стал подобен зверю,
Безутешный, нелюдимый, —

Если кто мне будет другом,
Я приму его как брата,
Полюблю его навеки,
Как умел любить когда-то».

И когда на зов девицы
Появился Автандил,
Тариэл навстречу вышел
И глаза в него вперил.
Были витязи как солнце;
Как луна, сияли оба.
Поцелуй скрепил их дружбу
Беззаветную до гроба.

Тариэл воскликнул: «Витязь!
Я молю тебя: открой,
Кто ты, сходный с кипарисом?
Из страны пришел какой?
Удостою безумца дружбой!
Смерть и та меня забыла.
Роза инеем покрыта,
Сердце сжалось и застыло».

Автандил ответил: «Витязь,
Лев, кому подобных нет!
Я — араб. В стране далекой
Я увидел божий свет.
Там у царского престола
Сердце отдал я царице.
Жжет меня огонь любовный,
Разум горестный томится.

Помнишь день, когда, скитаясь,
Встретил царских ты рабов,
Как разбил их и рассеял,
Как исчезнул без следов?
Мы тебя искали всюду.
Но напрасно мы искали.
Весь дворец пришел в унынье,
Царь был болен от печали.

И сказала мне царица:
«Если ты найдешь героя
И вернешься с доброй вестью,
Буду я твоей женою».
Третий год к концу подходит —
Мы в печали и разлуке.

Как, скажи, не разорвалось
Сердце бедное от муки?

Сквозь леса я шел и горы,
Через реки и пустыни,
Наконец, как солнце в небе,
Повстречал тебя я ныне.
И судьбу благословил я,
И готов служить тебе я,
Быть с тобой до самой смерти,
О прошедшем не жалея».

Изумленный этой речью,
Тариэл воскликнул: «Боже!
Есть ли что-нибудь на свете
Друга верного дороже!
Уж таков закон влюбленных:
Все они друг другу братья.
Разлучив тебя с любимой,
Чем тебе могу воздать я?

Как сумею рассказать я,
Почему, забыв людей,
В шкуру тигра облаченный,
Я живу среди зверей?
Лишь уста свои открою —
Упаду я бездыханный,
Неземным огнем сожженный,
Смертной мукой обуянный.

Встань, Асмат, сестра родная,
Принеси кувшин с водой.
Как начну терять рассудок,
Наклоняйся надо мной,
Увлажняй мне грудь водою,
Чтоб опять вернулись силы.
А умру — да будет домом
Мне холодный мрак могилы».

И, отбросив шкуру тигра,
И прекрасен и могуч,
Витязь был подобен солнцу,
Что мерцает среди туч.
Он открыл уста и вскрикнул,
Не сумев сдержать рыданья.
Наконец, собравшись с духом,
Начал он повествованье.

Сказание пятое.
О том, как Тариэл полюбил Нестан-Дареджан и был послан ею на
усмирение хатавов

Семь царей когда-то были
Господами Индостана.
Шесть из них своим владыкой
Почитали Фарсадана.
Мой отец, седьмой на троне,
Сам к нему явился с даром,
Был обласкан Фарсаданом
И назначен амирбаром².

Окруженный мудрецами,
При дворе я царском вырос,
И когда у Фарсадана
Дочь прелестная родилась,
Был я отрок в полной силе,
Львят душил одной рукою,
Станом был могуч и крепок,
Ликом сходен был с луною.

Нестан-Дареджан, царевна,
С детства мне была знакома.
Безоаровую башню
Царь воздвиг ей вместо дома.
Безоар — волшебный камень,
Он целит от всех болезней.
И жила царевна в башне, —
Розы утренней прелестней.

Был задернут аксамитом³
Вход в запретные покои,
Днем и ночью здесь курилось
Благовонное алоэ,
Перед башней из фонтана
Струи тонкие взлетали,
В цветнике цветы качались,
Птицы в клетках распевали.

² *Амирбар* — полководец.

³ *Аксамит* — старинная драгоценная ткань.

И Давар, сестра царева,
Овдовевшая в Каджети,
Обучала деву в башне
Всем премудростям на свете.
Две служанки постилали
Ей девическое ложе,
Но Асмат была царевне
Всех милее и дороже.

Раз, с охоты возвращаясь,
Царь сказал: «Пойдем со мной,
Отнесем добычу нашу
В дар царевне молодой».
Взяв убитых куропаток,
Я пошел за Фарсаданом
И у башни очутился,
В цветнике благоуханном.

Тут в ограде изумрудной,
Где качался кипарис,
Мы умылись у фонтана
И к царевне поднялись.
Царь раздвинул пышный полог
И вошел в покой заветный.
Я остался ждать у входа,
Для царевны незаметный.

Снова занавес открылся.
Черноокая Асмат
Приняла мою добычу...
Тут, за полог бросив взгляд,
Деву чудную узрел я,
И она меня сразила.

Горе мне! Копье золотое
Бедный разум мой пронзило!»
Тариэл при этом слове
Пал, как мертвый, но подруга,
Омочив виски водою,
Привела в сознание друга.
Тариэл вздохнул глубоко
И, едва сдержав рыданье,
Безутешный и печальный,
Продолжал повествованье:

«Горе мне! Копье золотое

Бедный разум мой пронзило!
Как подкошенный, упал я,
Сердце сжалось и застыло.
Я очнулся на кровати.
Царь стоял передо мною,
Плакал горькими слезами,
Обнимал меня с тоскою.

Слаб я был, мешались мысли,
Неземным огнем палимы...
Надо мной у изголовья
Пели мукры⁴ и муллим⁵.
Нараспев Коран читали
Муллы, сгорбившись сутуло,
Мой припадок объясняли
Чародейством Вельзевула.

Так три дня, три долгих ночи
Жизнь и смерть во мне боролись.
Наконец, на день четвертый,
Превозмог свою я горесть.
Встал с кровати я, но в сердце
Тлела огненная рана.
Юный лик, кристаллу равный,
Стал подобием шафрана.

И тогда глубокой ночью,
Вся закутана чадрой,
Предо мной Асмаг предстала,
Словно призрак неживой.
«Витязь, — девушка сказала, —
Вот письмо, читай скорее.
От царевны нашей юной
Ныне послана к тебе я».

«Лев, — писала мне царевна, —
Я твоя, не умирай.
Слабость жалкую любовью,
Полюбив, не называй.
Для влюбленного приличен
Подвиг, витязя достойный.
Встань, обрушься на хатавов,
Усмири их край разбойный.

⁴ *Мукры* (муллы) — священнослужители у мусульман; они же лекари.

⁵ *Муллим* — духовное лицо у мусульман, ученик и помощник муллы.

Лев, тебе прилична слава.
Заслужи ее, молю!
Я давно тебя желаю,
Я давно тебя люблю.
Будь же мужествен и крепок.
Пусть твоя вернется сила!
Посмотри, каким сияньем
Жизнь твою я озарила!»

Я прочел, и предо мною
Тьма кромешная исчезла,
Радость сердце озарила,
И душа моя воскресла.
Подарить хотел Асмат я
Чашу, полную рубинов.
Но она взяла колечко
И ушла, меня покинув.

Мой отец давно скончался,
Был в те дни я амирбаром.
О хатавах говорила
Мне красавица не даром:
Наши данники, хатавы,
Отказались от налога.
Фарсадан в великом гневе
Наказать решил их строго.

Я собрал большое войско
И пошел на Хатаэти.
Враг, бесстыдный и коварный,
Предо мной раскинул сети.
Царь Рамаз послал дары мне
И велел сказать вельможам:
«Полководцу Тариэлу
Мы противиться не можем.
Мы сдаемся без сраженья.

Заклучайте нас в оковы —
Искупить любой ценою
Мы грехи свои готовы.
Отпустите же войска вы,
Приезжайте с Тариэлом —
Мы сдадим вам все богатства
И вину загладим делом».

И ответил я Рамазу,
Вражий умысел почуя:
«О Рамаз, с тобою биться
Понапрасну не хочу я.
Коль решил ты в самом деле
Подчиниться Фарсадану,
Я к тебе как друг приеду
И губить тебя не стану».

Триста витязей отважных
Я от войска отделил,
Дал им шлемы и кольчуги
И к Рамазу поспешил.
Остальным войскам велел я
Тайно следовать за мною
И, скрываясь в отдаленье,
Быть всегда готовым к бою.

Как-то раз на холм высокий
Я поднялся на коне.
Пыль огромными клубами
Расстилалась в стороне.
Это двигались хатавы,
Люди, полные коварства,
Чтоб схватить нас безоружных
И в свое отправить царство.

Веря в легкую победу,
Шел на нас лукавый враг.
Вот вдали дымок поднялся —
Это был условный знак.
Справа, слева друг за другом
Люди кинулись в сраженье.
Лук пропел, и первый воин
Пал на землю без движенья.

Кони дрогнули в испуге,
Воцарился беспорядок.
Напустился на врагов я,
Как орел на куропаток.
Одного схватив за ноги,
Бил без промаха в другого,
Громоздил из трупов груды,
Но враги смыкались снова.

Окруженный их полками,
Жаркой кровью обливаясь,

Я разил врагов без счета,
Наступал на них сражаясь;
На седло мертвец валился
Переметною сумою;
Где лишь я ни появлялся,
Все бежало предо мною.

Время к вечеру клонилось.
Солнце в облако садилось.
На холме хатав-дозорный
Вскрикнул — все засуетилось.
Вдалеке мои отряды
Появились, словно тучи.
Пыль неслась, литавры били,
Кони двигались могучи.

Овладел врагами ужас,
Все бежало в беспорядке.
Царь Рамаз коня пришпорил,
Убегая без оглядки.
Я настиг его и выбил
Из седла, и вместе с войском
Был пленен Рамаз лукавый
В том сражении геройском.

Всех врагов обезоружив,
Я исполнил свой обычай
И на родину вернулся
С драгоценною добычей.
Много было тут сокровищ —
Тканей, перлов, изумрудов.
Через силу их тащили
Больше тысячи верблюдов.

Для себя чалму я выбрал
Из блестящей черной ткани.
Ни один доселе смертный
Не слышал ее названья.
Кто ее соткал — не знаю.
Нити искрами светили,
Словно были из металла,
Прокаленного в горниле.

Царь меня, как сына, встретил.
Я, украшенный чалмою,
Был подобен бледной розе.
Все склонялись предо мною.

Во дворец вошел я царский,
И царица тут стояла.
О, как сердце содрогнулось!
Как оно затрепетало!

Царь ласкал меня безмерно.
Пышный пир сменялся пиром.
Поднимая к небу чаши,
Мы внимали нежным лирам.
Сладко пели музыканты,
И она сидела рядом,
И смеялась, и глядела
На меня счастливым взглядом».

Сказание шестое. О том, как была просватана Нестан-Дареджан

Рано утром царь с царицей
Во дворец меня позвали.
«Лев, — сказал мне царь, — ты видишь,
Мы в заботе и печали.
Время старости подходит,
Горя нам не превозмочь:
Не послал господь нам сына —
Лишь одну царевну-дочь.

Время старости подходит,
Время скорби и недуга...
Для царевны нашей юной
Мы найти должны супруга.
Пусть на троне Фарсадана
Воцарится юный царь,
Охраняя государство,
Как хранил его я встарь».

Я сказал царю: «В каком же
Вы нуждаетесь совете?
Знают все: царевны нашей
Нет прекраснее на свете.
Всяк, кого вы изберете,
Будет рад на трон взойти,
Но царю известно лучше,
Где достойного найти».

Царь ответил мне: «По сердцу
Нам царевич хорезмийский».

Сердце замерло. Сидел я
Бледный, к обмороку близкий.
«Да, — ответила царица, —
У соседа славный сын.
Будет он супруг примерный
И индийцев властелин».

Было видно: царь с царицей
Предрешили все заране.
Снова выпало на долю
Мне большое испытанье.
Замешательством объятый,
Потерял я разум мой,
Выбор я скрепил согласьем
И ушел едва живой.

За царевичем послали
Благородное посольство.
Я сидел в тоске и горе,
Грудь терзало беспокойство.
Вдруг письмо ко мне прислала
Черноокая Асмат:
«Приходи немедля в башню.
Жду тебя у входа в сад».

Я поехал, и рабыня
Мне ворота отворила,
Не сказала мне ни слова,
Не смеялась, не шутила.
Поднялись мы с ней к царевне,
И увидел я ее —
Ту, которая пронзила
Сердце бедное мое.

Словно юная тигрица,
Укоризненно и гневно
На меня теперь взирала
Омраченная царевна;
Очи молнии метали,
Слезы падали на грудь.
Я поник перед царевной
И не смел в лицо взглянуть.

«Ты пришел! — она вскричала.
О, изменник вероломный!
Что стоишь передо мною
Сокрушенный и безмолвный?»

Ты свою нарушил клятву.
Бог тебе воздаст сторицей,
Не позволит он смеяться
Над покинутой девицей».

«О царевна! — я воскликнул. —
В чем вина моя — не знаю.
Объясни мне, что я сделал
И за что теперь страдаю?» —
«Лжец, — ответила царевна,
Ты исполнен лицемерья!
Как в тебе я обманулась,
И страдаю как теперь я!

Отдают меня насильно
За царевича чужого.
Ты на это согласился,
Не сказал царю ни слова.
Слишком скоро позабыл ты
Про любовь свою и муки.
Ты хитрил и притворялся,
Что не вынесешь разлуки.

Но запомни: кто б отныне
Нашей Индией ни правил,
Отступать я не желаю
От отечественных правил.
Я — царевна, царской крови
Чужеземца уничтожу,
И тебя предаю я смерти,
Вероломного вельможу!»

Слово гневное услышав,
Посмотрел на деву вновь я,
И зажглась во мне надежда.
На ковре, у изголовья,
Виден был Коран открытый,
Он лежал перед царевной.
Взял тогда Коран я в руки
И воскликнул, вдохновенный:

«Пусть сразят меня на месте
Гром небес и Божья сила,
Пусть меня навек поглотит
Бесприютная могила,
Солнца лик да отвернется
От меня — я все снесу,

Если здесь перед тобою
Слово лжи произнесу.

Я клянусь тебе, о солнце,
На святом твоём Коране:
Царь избрал тебе супруга
Чужеземного заране.
Кто царю перечить может?
Нет таких во всей стране.
Я, о солнце, крепок сердцем,
Но скрепил себя вдвойне.

Мог ли я противоречить,
Если царь и с ним царица
На престол страны индийской
Пожелали хорезмийца?
Я — законный их наследник,
Я — последний сын царя,
Я не знаю чужеземца,
Но спешит сюда он зря.

Я решил: напрасны споры,
Поступать иначе должно.
Ради сердца душу продал,
И, скажу тебе не ложно,
Уступить тебя, о дева,
Я не в силах никому.
Не отталкивай безумца,
Будь приветливей к нему».

Ливень, розу леденивший,
Стал прозрачней и теплее,
Губ кораллы приоткрылись,
Перлы сделались виднее,
Улыбнулась мне царевна,
На подушки посадила,
Пламень горестного сердца,
Улыбаясь, потушила.

«Витязь, — молвила царевна, —
Нам спешить не подобает.
Мудрый борется с судьбою,
Неразумный унывает.
Если ты вернешь посольство
И царевич не приедет,
Царь поссорится с тобою
И любовь твою заметит.

Если ж он сюда приедет —
Тот царевич ненавистный, —
Фарсадан сыграет свадьбу,
Надругавшись над отчизной.
Черный траур нас оденет,
Мы умрем в тоске и горе,
Хорезмийцы трон захватят
И страну погубят вскоре».

«О царевна! — я воскликнул. —
Не бывать врагам у трона!
Не достанется пришельцам
Фарсadanова корона!
Будем ждать их терпеливо,
Пусть они придут сначала —
Здесь они простятся с жизнью!»
«Нет, — царевна отвечала. —

Если ты убьешь невинных,
Скажут все, что ты — убийца.
Не губи людей напрасно,
Но убей лишь хорезмийца.
Проберись к нему в палатку
И, свое исполнив дело,
Перед тронem Фарсadanа
Преклони колени смело.

«Царь, — скажи ему, — доселе
Я служу тебе как воин,
Но родился от царя я,
И престола я достоин.
Чужеземцам край отцовский
Не отдам я без сраженья.
Коль препятствовать мне станешь,
Жди войны и разрушенья».

О любви не затевай ты
С Фарсadanом разговора.
Пусть не думают вельможи,
Что любовь — причина спора.
Но покуда мой родитель
Плачет в горести и муке,
Я царем тебя признаю
И в твои предамся руки».

Этот замысел царевны
Мне, безумцу, полюбился.
Хорезмиец был в дороге.
Дух во мне воспламенился!
Обезумевший от горя
Не боится правой мести,
И с царевичем покончить
Обещался я невесте.

На прощание царевна
Подарила мне запястье.
Ах, зачем живу я ныне,
Позабыв бывшее счастье!
Я чалмой ее окутал.
Нити искрами светили,
Словно были из металла,
Прокаленного в горниле».

Тариэл умолк, печальный,
И запястье золотое
Целовал, как иступленный,
И ему внимали двое.
Потеряв надежду в жизни,
Он оплакивал потерю
И в тоске нечеловечьей
Стал, увы, подобен зверю.

Сказание седьмое. О том, как Тариэл убил хорезмийского царевича

День настал — жених приехал,
Окруженный пышной свитой.
Вместе с ним отряд придворных
Прибыл, в битвах знаменитый.
Мы встречали хорезмийцев
С драгоценными дарами.
Войско выстроилось в поле
Бесконечными рядами.

Чтобы отдыху предаться
Мог царевич благородный,
Мы на площади воздвигли
Для него шатер походный.
Был из красного атласа
Тот шатер, где все свершилось...
Гость вошел в него, и войско
Вкруг шатра расположилось.

В полночь улицей безлюдной
Ехал я домой устало.
Вдруг слуга письмо мне подал.
«Торопись! — Асмат писала. —
Та, которая подобна
Драгоценному алоэ,
Ждет тебя...» И я помчался
И вошел в ее покои.

Я предстал перед царевной.
Вижу — сумрачная ликом,
На меня царевна смотрит
В нетерпении великом.
«Что ты ждешь? — она сказала.
Час сраженья наступил.
Или лгать ты мне задумал?
Или вновь меня забыл?»

Уязвленный прямо в сердце,
Отвернулся я, тоскуя:
Неужели, связан клятвой,
Позабить ее могу я?
Разве воинская доблесть
Изменила нынче мне,
Чтобы деве приходилось
Понуждать меня к войне?

Тут я бросился к отрядам
И сказал: «Готовьтесь к бою!»
Оседлав коней, на площадь
Полетели мы стрелою.
Хорезмийцы крепко спали.
Я прокрался мимо них
И разрезал ткань палатки,
Где покоился жених.

Я схватил его за ноги
И о столб шатра с размаха
Головой его ударил.
Стражи вскрикнули от страха,
Поднялась вокруг тревога,
Но вскочил я на коня,
Поскакал я, и погоня
Не смогла догнать меня.

В некий замок укрепленный
От погони я укрылся.
Ночь прошла, и на рассвете
От царя посол явился.
Царь писал мне: «Бог свидетель,
Я возрастил тебя, как сына.
Ныне я в тоске и горе —
Ты один тому причина.

Ах, зачем мой дом, безумец,
Запятнал ты этой кровью!
Если дочь мою желал ты,
Если к ней пылал любовью,
Почему ты не открылся
Мне, родителю невесты,
Но дошел до преступленья
И, свершив его, исчез ты?»

«Царь, — ответил я владыке, —
Я выносливей металла:
Не сгорел в огне стыда я,
Огорчив тебя немало.
Но, чтоб суд твой справедливо
Совершился надо мной,
Знай: не думал добиваться
Я царевны молодой.

В нашей Индии немало
Городов, дворцов и тронов.
Ныне ты их повелитель
И хранитель их законов.
От семи царей умерших
Ты наследовал державу,
От тебя я сан владыки
Унаследую по праву.

Царь, ты сына не имеешь,
У тебя одна царевна.
Я — законный твой наследник,
Но судьба моя плачевна:
Если только хорезмийца
Ты поставишь нам царем,
Что взамен себе добуду
Я, владеющий мечом?

Нет, не нужно мне царевны,
Только Индия нужна мне.

Если спорить будешь, камня
Не оставлю я на камне,
Всех строптивых уничтожу,
Мертвецов оставлю груды,
Но — клянусь тебе, владыка! —
Я престол себе добуду».

Сказание восьмое. О том, как была похищена Нестан-Дареджан

Взяв письмо, гонец уехал.
На вершине старой башни
Я стоял в глубокой думе,
Вспоминая день вчерашний.
Тщетно вдаль вперял я очи —
Бесприютны и убоги,
Только два скитальца бедных
По пустынной шли дороге.

Как мое забилося сердце,
Рассказать я не умею:
То была Асмат, рабыня,
И слуга спешил за нею.
Дева шла, рыдая горько.
Я воскликнул: «Что случилось?» —
«Горе нам! — Асмат сказала. —
Наше солнце закатилось».

Обезумевший от страха,
Я спустился к ней навстречу.
«Витязь, — дева продолжала, —
Слушай, я тебе отвечу.
Не обрадую тебя я,
Но и ты меня не радуй,
Умртви меня на месте,
Смерть да будет мне наградой.

Слушай, витязь. Рано утром
Весть о смерти хорезмийца
До ушей достигла царских.
Услыхав, что ты — убийца,
Царь сражен был прямо в сердце,
Плакал, гневался немало,
За тобой послал погоню,
Но погоня запоздала.

«О, — воскликнул царь, — понятен
Мне поступок Таризэла:
Он любил мою царевну,
За нее он дрался смело.
Полюбив, на смертном ложе
Умирал он от недуга.
Ах, они видались тайно
И смотрели друг на друга!

Но клянусь я головою,
Что разделаюсь с сестрою.
Бог свидетель мне — злодейку
Не оставлю я живую.
Не она ль мою царевну,
Деву, лучшую на свете,
Нерадивая старуха,
Ввергла в дьявольские сети!»

Редко царь страны индийской
Головой своею клялся.
Но, поклявшись, он от клятвы
Никогда не отрекался.
Поняла Давар-колдунья,
Что близка ее могила,
И свою слепую злобу
На царевну обратила.

«Ты, негодница, в убийстве
Чужеземца виновата!
Ты виной, что я погибну
От руки родного брата!
Так запомни же: отныне,
Как бы ты ни захотела,
Никогда не встретишь больше
Полководца Таризэла».

И Давар с великой бранью
На царевну напустилась,
С криком волосы рвала ей,
Колотила и глумилась.
Беззащитная царевна,
Трепеща, упала на пол.
Мы не смели заступиться,
Только молча каждый плакал.

И тогда вошли с ковчегом

Два раба из рода каджи^б.
Лица были их ужасны
И тела чернее сажи.
Повлекли они царевну,
Посадили в глубь ковчега,
И была царевна наша
В этот миг белее снега.

Пронесли они царевну
Мимо окон прямо к морю.
Обнажив кинжал широкий,
Предалась колдунья горю.
«Царь идет, — она стонала. —
Как пред ним я оправдаюсь?»
И, пронзив себя кинжалом,
Пала, кровью обливаясь».

Тут Асмат остановилась,
Не сумев сдержать рыдания.
«Витязь, сжался надо мною!
До последнего дыханья
Я была верна царевне.
Ах, убей меня на месте!
Недостоин жить на свете,
Кто принес такие вести!»

«Успокойся! — я ответил. —
В чем вина твоя, сестрица?
На друзей моих любимых
Разве я могу сердиться?
Буду странствовать я в море,
Обойду кругом я сушу,
Но найду мою царевну
И тюрьму ее разрушу».

Ах, мое больное сердце
Стало каменным от горя!
Вместе с верными друзьями
Я немедля вышел в море.

Наш корабль блуждал по морю,
Дни тянулись, как недели,
Но напасть на след царевны
Мы, скитальцы, не умели.

^б *Каджи* — человекоподобные существа, олицетворение злой силы.

Год прошел в великих бедах.
Обессилены недугом,
Корабельщики-герои
Умирали друг за другом.
Сердце бедное от горя
Разрывалось на части.
Но пойдет ли против неба,
Кто его покорен власти?

Я корабль направил к суше,
Вышел на берег с друзьями.
Вдалеке виднелся город,
Весь украшенный садами.
И пошел я вдаль, гонимый
Беспощадною судьбою.
Лишь Асмат с двумя рабами
Поспешила вслед за мною».

Сказание девятое. О том, как Тариэл встретился с Нурадин-Фридоном

Раз, когда у скал прибрежных
Я раздумью предавался,
На поляне предо мною
Некий витязь показался.
Кровь из ран его струилась,
Меч был сломан пополам.
Витязь жаловался горько
И грозил своим врагам.

Я подъехал к незнакомцу,
Пересек ему дорогу.
«Лев, — воскликнул я, — скажи мне,
Кто поверг тебя в тревогу?»
Оглянулся незнакомец,
И замедлил бег коня,
И с великим изумленьем
Стал рассматривать меня.

«Боже, — он сказал в восторге, —
Как твои прекрасны дети!
Вот стоит предо мною
Лучший юноша на свете.
Я ему во всем откроюсь,
Пусть узнает ныне он,

Как охотник безоружный
Был изменою сражен».

Мы сошли с коней и сели,
Отдыхая средь поляны.
Мой слуга — искусный лекарь —
Осмотрел герою раны.
Там осколки стрел виднелись;
Лекарь вынул их из тела,
Раны снадобьем помазал,
Чтобы тело не болело.

И сказал мне незнакомец,
Оправляясь от удара:
«Нурадин-Фридон я, витязь,
Юный царь Мульгазанзара.
Ты теперь в моих владеньях,
Город виден мой отсюда.
Невелик он, но красивой
Не видали мы покуда.

Дед мой, царь земель окрестных,
Чуя смерти приближенье,
Меж отцом моим и дядей
Разделил свои владенья.
Мне в наследство был оставлен
Остров — тот, что виден в море.
Дядя, жадный и свирепый,
Захватил мой остров вскоре.

Нынче утром я затеял
Соколиную охоту.
Пять сокольников держали
Птиц, приученных к полету.
Мы приехали на остров,
Предались лихой забаве:
Остров мой — моя охота.
Дядя гневаться не вправе.

Злые родичи, однако,
По-иному рассудили —
Их войска в разгар охоты
Нас нашли и окружили.
Я, спасаясь, прыгнул в лодку.
Но, увы, навстречу мне
Мчался дядя с сыновьями —
Все готовые к войне.

Скоро маленькую лодку
Обступили их галеры,
Завязался бой кровавый,
Бой жестокий свыше меры.
Я разил врагов без счета,
Я не мог себя беречь,
Но, увы, кончались стрелы,
Пополам сломался меч.

Смерть казалась неизбежной,
Но, врагам своим на горе,
На коне своем прекрасном
Прыгнул я из лодки в море.
Изнуренный, я отныне
Положил на коня,
И скакун мой быстроногий
Вынес на берег меня.

Ныне я в беде великой.
Все грядущее — от Бога.
Верю я — падет убийца
И наказан будет строго.
В день великого отмщенья
Проклянет он целый мир.
Стаи воронов слетятся
На его загробный пир».

Смолк Фридон. И я в тот вечер
Полюбил его, как брата.
«Витязь, — я сказал, — утешься:
Не навек твоя утрата.
Я отныне твой союзник.
Как пристало добрым мужам,
Мы врагов твоих рассеем
И затеи их разрушим».

Тут Фридон воскликнул: «Витязь,
Я тебя не знал донныне,
Но тебя уже люблю я!
Встретил ты меня в кручине,
Но помог мне, словно другу.
Если Бог пошлет здоровья,
Жизнь свою до самой смерти
Посвятить тебе готов я».

В город двинулись мы вместе.
И отряды, в знак печали
Пеплом голову посыпав,
На дороге нас встречали.
На меня взирали люди
И, предав забвенью беды,
Говорили: «Вот предвестник
Нашей будущей победы».

Исцелился скоро витязь
И со мной сравнялся в силе.
Войско мы вооружили
И галеры оснастили.
На восьми ладьях огромных
Враг навстречу нам приплыл.
Я толкнул одну ногою
И в пучину погрузил.

Я к другой ладье помчался
И, схватив за нос руками,
Опрокинул лодку в море.
Все бежало перед нами.
Наши славные галеры
Полетели над водой,
Мы сошли на берег вражий
И вступили в смертный бой.

Мне понравилась в сраженье
Доблесть юного героя:
Храбр, как лев; лицо — как солнце;
Стан — как дерево алоэ.
Дядю он свалил на землю
И коварных сыновей,
По рукам скрутив веревкой,
Привязал в ладье своей.

Мы противника измяли
Так, как мнут кусок сафьяна.
Нагрузили мы добычей
Два огромных каравана.
Город нас, ликуя, встретил
На высоком берегу.
Так за умысел коварный
Отомстил Фридон врагу».

Сказание десятое.

О том, как Фридон помогал Таризлу в его поисках

Рано утром на охоту
Мы отправились с Фридоном.
В полдень мы достигли мыса
И взошли наверх по склонам.
Далеко вдавался в море
Этот мыс, и даль морская
Расстилалась под ногами,
Колыхаясь и сверкая.

И сказал Фридон отважный,
Наклонясь над самой кручей:
«Рассказать тебе хочу я
Про один чудесный случай.
Раз, когда я развлекался
Здесь охотой соколиной,
Высоко взлетел мой сокол
Над пустынной равниной.

Наблюдая за охотой,
Я случайно глянул в море.
Вижу — что-то в нем мелькает
И несется на просторе.
«Неужели это птица? —
Думал я с недоуменьем. —
Или зверь какой отважный
Смело борется с теченьем?»

Но не зверь то был, не птица —
Лодка на море мелькала.
Два раба чернее сажи
Лодкой правили устало.
И везли они светило,
Заключенное в ковчеге.
Никогда красы подобной
Не видал я в человеке!

Лодка к берегу пристала,
Вышла на берег девица.
Солнце, полное сиянья,
Не могло бы с ней сравниться.
Все лицо ее светилось,
Было молнии подобно.
Улыбнулась ей природа,
Но рабы смотрели злобно.

Пожалел я эту розу
И на помощь к ней помчался.
Услыхав далекий топот,
Враг, как видно, испугался —
Лодка быстрая исчезла.
Прискакал я — девы нету,
Только блеск ее прощальный
Разливается по свету».

Услыхав рассказ Фридона,
Я сказал ему, тоскуя:
«Знай, Фридон, ты видел солнце,
То, которое ищу я».
Пал на землю я от горя,
Проливал я слез поток,
И Фридон, любимый мною,
Утешал меня как мог.

И поведал я Фридону
Все, что сердце волновало.
«Вижу я, — Фридон воскликнул,
Мне с тобой не подобало
Говорить об этой встрече!..
Но великий наш творец,
Посылая смертным горе,
Даст и счастье наконец.

Бог, создавший стан героя,
Словно дерево алоэ,
Поразив героя в сердце,
Отведет копьё златое.
Он свою пошлет нам милость.
Словно гром, она слетит,
Исцелит навеки горе,
Сердцу радость возвратит».

Плача, мы вернулись в город.
И сказал Фридон мне: «Много
Кораблей сюда заходит —
Здесь проезжая дорога.
Много новостей различных
Корабли привозят к нам, —
Не найдем ли здесь для сердца
Утешительный бальзам?

Я пошлю гонцов надежных,
Моряков и следопытов, —

Пусть все гавани обыщут,
Побывают на забытых
Островах, пускай объездят
Всю приморскую страну
И похищенную снова
Возвратят тебе луну».

Корабли отправив в море,
Мне Фридон сказал: «Великий
Царь индийцев! Не признал я,
Кто ты, стройный, солнцеликий.
Ныне сам ты мне открылся.
И царя достойный трон
В этом зале да воздвигнет
Для тебя твой раб Фридон».

Много было мне Фридоном
Здесь оказано почета.
В ожидании посланцев
Улеглась моя забота.
Так летели дни за днями.
Возвратились корабли.
Но, увы, царевны юной
Мореходы не нашли.

Снова сердце погрузилось
В безутешное страданье.
«О Фридон, — сказал царю я, —
Бесполезно ожиданье.
Как ни трудно нам расстаться —
День без друга словно ночь, —
Отпусти меня, молю я,
Ждать мне более невмочь».

Царь Фридон заплакал горько,
И дружина боевая
Опустилась на колени,
Громким голосом взывая:
«Не оставь нас, царь индийский!
Все мы счастливы с тобой,
Все от мала до велика
За тебя готовы в бой».

«Нет, друзья, — сказал я твердо, —
Наступает час разлуки.
Если дева не найдется,
Все равно умру от муки.

Нелегко мне вас покинуть,
Но, увы, она в плену.
Как могу ее оставить,
Беззащитную, одну?»

Так простился я с народом,
И Фридон, заплакав снова,
Подарил мне на прощанье
Своего коня лихого.
Крепко обнял я Фридона,
Омочил слезами грудь,
Оседлал коня в дорогу
И помчался в дальний путь.

Снова странствовал я в море,
Снова я объездил сушу,
Вместе с верными рабами
Я скитался в зной и стужу.
Но, увы, царевны юной
Потерялся всякий след.
Обезумел я от горя,
Испытав немало бед.

И решил я сам с собою,
Что напрасно мне трудиться!
Может быть, в лесах дремучих
Перестану я томиться.
Брошу этот мир безумный,
Позабуду про людей,
Жизнь несчастную окончу
Посреди лесных зверей.

И сказал тогда рабам я:
«Время нам расстаться, друга.
Слишком долго вы терпели
Эти горести и муки.
Ныне вам даю свободу,
Возвращайтесь в край родной».
Но рабы мне отвечали:
«Не расстанемся с тобой.

Хоть и выпала на долю
Нам тяжелая судьбина,
Но никто из нас другого
Не желает господина.
Об одном мы молим Бога:
Чтобы он позволил нам

Чтить тебя до самой смерти,
По твоим идти следам».

Что я с ними мог поделать?
Мы покинули селенья,
Мы ушли на козьи тропы
И в убежища оленьи.
Так я жил, в горах скитаясь,
Одинок и нелюдим.
И одна Асмат с рабами
По следам влеклась моим.

Здесь, среди густых деревьев,
На пещеры я наткнулся —
Дэвы⁷ высекли в скале их.
Я взглянул и ужаснулся:
Злые чудища навстречу
Вышли целою толпой.
Я рабов на помощь кликнул
И вступил в неравный бой.

И в ужасной этой битве
Все мои погибли слуги —
Дэвы их убили мигом
И сорвали с плеч кольчуги.
И тогда моей душою
Овладел великий гнев,
Я накинута на дэвов
И разбил их, одолев.

Стоны раненых чудовищ
Оглашали поединок.
Вся округа содрогалась
От ударов их дубинок.
Солнце ясное померкло,
Кипарис, упав, дрожал...
Сто чудовищ умертвил я
И на части разорвал.

Вот, мой брат, с тех пор в пещере
Я, безумец, умираю,
По лесам брожу печальный,
Горько плачу и вздыхаю
Лишь Асмат одна со мною

⁷ Дэвы — сказочные чудовища.

Проклинает белый свет.
Оба мы желаем смерти,
Нам спасенья больше нет.

Нестан-Дареджан, царевна,
Красотой равна тигрице.
Сшил я плащ из шкуры тигра
В знак печали о девице,
Посреди зверей опасных
Сам я стал как лютой зверь.
Кроме смерти неизбежной,
Нет спасенья мне теперь».

Кончив свой рассказ чудесный,
Тариэл умолк, печальный;
Как янтарь ланиты стали,
Омрачился лик кристальный.
Слезы крупные застыли
На ресницах Автандила,
И Асмат прохладной влагой
Грудь героя освежила.

Автандил воскликнул: «Витязь!
Вот мое простое слово:
Если лекарь заболит,
Он зовет к себе другого,
Он рассказывает другу,
Что его, больного, мучит;
Друг с одра его поднимет
И болезнь прогнать научит.

Слушай, витязь, срок подходит,
Должен ехать я к царице —
Передать рассказ твой чудный
Обещался я девице.
Но клянусь я головою,
Что вернусь к тебе обратно.
Жди меня на этом месте
И не сетуй безотрадно.

Я вернусь к тебе, мой витязь,
Голова моя порукой,
И не век ты будешь плакать,
Опечаленный разлукой, —
Деву пленную найду я
И верну тебя невесте,
А не так — врагом сраженный,

Я умру с тобою вместе».

И в ответ на эти речи
Тариэл промолвил слово:
«Как ты мог, прекрасный витязь,
Полюбить меня, чужого?
Соловью покинуть розу
Тяжело, но тяжелее
Нам с тобою расставаться.
Возвращайся же скорее!»

Ночь промчалась незаметно.
И, едва зажглось светило,
Тариэл с рабыней верной
Проводили Автандила.
Дева плакала, тоскуя,
Витязь горю предавался,
Но исчез могучий всадник,
Только след в песке остался.

Сказание одиннадцатое. О том, как Автандил возвратился в Аравию

Срок, назначенный царицей,
Миновал. Прошло три года.
Автандил-военачальник
Возвратился из похода.
С ликованием великим,
Во главе своих дружин,
Встретил юного героя
Благородный Шермадин.

Пир отпраздновав веселый,
Шермадин к царю помчался.
«Царь, — сказал он, — слава Богу,
Чудный витязь отыскался!
Автандил нашел скитальца
И открыл его приют.
Амирбаром Тариэлом
Неизвестного зовут».

Из покоев Ростевана
Поспешил он к Тинатине
И сказал ей: «Знай, царица,
Автандил прибудет ныне».
Дева юная зарделась

И гонцу за эту весть
Подарила столько злата,
Сколько в силах был он снести.

Царь, веселый и довольный,
Автандила в поле встретил.
Автандил вошел в чертоги,
Ликом радостен и светел.
Лев, сильнейший между львами,
Солнцу солнц принес привет,
И в очах царицы юной
Засиял небесный свет.

Царь устроил пир на славу,
И под звон заздравных чарок
Каждый гость от Ростевана
Получил в тот день подарок.
Ради встречи долгожданной
Не жалея ничего,
Царь был ласков к Автандилу
И расспрашивал его.

И царю поведал витязь
Все, что знал о Таризле:
Как царевну потерял он
И не мог найти доселе;
Как в сражении великом
Сто чудовищ он убил;
Как, одетый в шкуру тигра,
По ущелиям бродил.

С удивлением и страхом
Слушал царь повествованье.
Разошлось глубокой ночью
Именитое собранье.
Автандил с великой честью
Был отпущен на покой,
Но вошел слуга царицы
И повел его с собой.

Как прекрасное алоэ
В золотых садах Евфрата,
Восседала на престоле
Та, чьи брови из агата.
Как рубин, уста горели,
Лик был светел, как кристалл,
Ни один мудрец афинский

Красоты такой не знал.

«Витязь, — молвила царица, —
Твой рассказ меня волнует.
Тариэл, твой брат любимый,
Ныне плачет и тоскует.
Кто теперь ему поможет,
Полководцу дальних стран?
Если б знала я лекарство
От его сердечных ран!»

Опустившись на колени,
Витязь вымолвил: «Царица,
Расставаясь с Тариэлом,
Я поклялся возвратиться.
Ради друга недостойно
Уклоняться нам от бед.
Если друг не будет счастлив,
Счастья нам на свете нет».

И ответила царица:
«Все сбылось, как я хотела.
Ты вернулся невредимым
И увидел Тариэла.
В годы долгие разлуки
Ты меня не разлюбил,
Сердце бедное царицы
От страданий исцелил.

Но, увы, нарушить клятву
Недостойно человека.
Помогать в беде другому
Нам завещано от века.
Снова должен ты уехать.
Что же станется со мной
В день, когда мое светило
Вновь покинет край родной?»

«Горе мне! — воскликнул витязь.
Не согреешь льда дыханьем,
Уходящего на подвиг
Не удержишь лобызаньем...
Снова я, расставшись с милой,
Буду в пламени гореть...
Дай мне знак любви в дорогу,
Чтоб с тоски не умереть».

И дала ему царица
Жемчуг — дар любви невинной.
Зарыдал печальный витязь
И расстался с Тинатиной.
Только миг они короткий
Были счастливы вдвоем,
И опять судьба пронзила
Их карающим копьём.

Затворясь в опочивальне,
Плачет витязь безутешный;
Как цветок, покрытый снегом,
Лик его бледнеет нежный.
Таково людское сердце,
Ненасытное, слепое, —
Вечно чем-нибудь томится,
Убегая от покоя.

Сказание двенадцатое. О том, как царь разгневался на любимого визиря

Автандил проснулся утром
И отправился к Сограту.
Рад был визирь Автандилу,
Словно брат родному брату.
Слезть с коня помог он гостю
И постлал ковер под ноги.
«Вот, — сказал, — донесся ныне
Запах роз в мои чертоги».

И сказал Сограту витязь:
«Ты, Сограт, царю опора;
Любит царь твои советы,
Принимает их без спора.
Ныне должен я уехать,
Чтоб помочь в несчастье другу.
Окажи мне на прощанье
Беспримерную услугу.

Отправляйся к Ростевану
И скажи ему ты смело:
«Автандил поклялся Богом,
Что не бросит Таризла.
Ныне он вернуться должен,
Чтоб исполнить обещанье.
Отпусти его, владыка,

И не сетуй на прощанье».

Умоляй царя, о визирь,
Все скажи ему, что нужно.
Помни — сердце Автандила
Клятве верности послушно.
Если царь меня отпустит,
Обещаю я по чести
Подарить тебе сто тысяч
Золотых за эти вести».

Отвечал с улыбкой визирь:
«Денег мне твоих не надо,
Пусть останется в запасе
Столь великая награда.
Лишь начну просить царя я,
Государь при первом слове
Отошлет меня на плаху
И прольет потоки крови.

Нет, царя просить об этом —
Безнадежная затея.
И войска бросать надолго
Не советую тебе я:
Час придет, враги восстанут,
Захотят сравняться с нами, —
Воробьи и те стремятся
Стать свободными орлами».

Автандил заплакал горько
И сказал Сограту снова:
«Что за польза государю
От безумца молодого?
Не бывать мне полководцем,
Если клятву я нарушу.
Милость царскую теряя,
Сохранить хочу я душу.

Если царь меня не пустит,
Все равно тайком уеду.
Справедлив господь — царю он
Без меня пошлет победу.
Помоги мне, славный визирь,
Будь заступником моим!
Царь любимца не обидит,
Но доволен будет им».

«Вижу я, — ответил визирь, —
Нет тебе успокоенья.
Не могу смотреть на слезы
Без сердечного волненья.
Твой огонь меня снедает,
Вся в слезах душа моя.
Пусть умру, но в день печали
Не покину друга я».

Вот к царю явился визирь
И, потупившись уныло,
Рассказал с великим страхом
Все, что знал про Автандила.
«Царь, — сказал он, — если б только
Сам увидел ты его,
Пожалел бы, без сомненья,
Полководца своего».

Царь, услышав эти речи,
Побледнел и ужаснулся:
«Что сказал ты мне, безумец?
Как язык твой повернулся?
Почему ты вдруг примчался,
Словно с радостью какой?
Лишь изменник вероломный
Нож готовит за спиной.

Знай, злодей, когда бы не был
Ты посланцем Автандила,
Для тебя была бы нынче
Уготована могила.
Прочь отсюда, пес негодный!
Убирайся, цел пока!»
И, схватив рукою кресло,
Царь швырнул им в старика.

Как побитая лисица,
Визирь выскочил за двери.
Что с царем поделаться можно,
Потеряв его доверье?..
Услыхав о неудаче,
Автандил в тоске поник.
«Нет, — сказал он, — обещаний
Забывать я не привык.

Сам ты знаешь: если роза

В день печали увядает,
Соловей, влюбленный в розу,
И грустит и умирает.
Должен он найти для розы
Каплю утренней росы,
Каплю влаги драгоценной,
Чтоб спасти ее красы.

Мне без брата Тариэла
Утешенья в мире нету.
Чем раздумью предаваться,
Лучше странствовать по свету.
Неразумно царь замыслил
Посылать со мною рать:
Лучше быть без полководца,
Чем безумца посылать».

Как воспеть мне добродетель,
Незабвенную доселе?
Было сердце человека
Здесь испытано на деле.
Помогать в нужде друг другу
Мы обязаны всегда;
Друг — нам верная опора,
Если встретится беда.

Сказание тринадцатое. О втором, тайном отъезде Автандила

Снова с верным Шермадином
Автандил пришел проститься.
«Срок настал, — сказал рабу он,
Я обязан удалиться.
Царь меня не отпускает.
Он не знает, что со мною,
Но нарушить не могу я
Клятву, данную герою.

Помни, друг, мои заветы:
Средь начальников примерный,
Подчиняйся Ростевану;
Как слуга нелицемерный,
Береги мой дом отцовский,
Обучай мои отряды.
Коль вернусь, не пожалею
Для тебя, мой друг, награды».

Шермадин воскликнул: «Витязь,
Тяжко мне с тобой расстаться!
О, возьми меня с собою —
Легче нам вдвоем скитаться». —
«Нет, — сказал печально витязь, —
Ты один моя опора,
Без тебя погибнет город
От набегов и раздора.

Взять тебя в поход с собою,
Видишь сам ты, не могу я,
На тебя же налагаю
Я обязанность другую:
Оседлай коня лихого
И наутро в день прощанья
Передай от Автандила
Государю завещанье».

Витязь сел и Ростевану
Написал такое слово:
«Царь великий! Связан клятвой,
Я тебя покинул снова.
Пораженного судьбою
Я не в силах обмануть.
О, верни свою мне милость!
Ухожу в далекий путь.

Не осудишь ты, я знаю,
Мудрый царь, мое решение.
Кто в беде покинет друга,
Тот достоин сожаленья.
Учит нас Платон-философ,
Чьи слова знакомы всем:
«Ложь вредит сначала телу,
Разрушает дух затем».

Ложь — источник всех несчастий,
Ложь — начало всякой муки.
Как могу забыть о друге
В день печали и разлуки?
Мудреца завет великий
Людям должно исполнять;
Для того и знанье людем,
Чтобы душу укреплять.

Жалок тот, кто перед битвой

Укрывается трусливо,
Вечно думает о смерти
И горюет молчаливо.
Все равны мы перед смертью,
Всех разит ее копье, —
Лучше славная кончина,
Чем позорное житье.

Но, преследуем в скитаньях
Несчастливою судьбою,
Если я погибнуть должен,
Кто заплачет надо мною?
Не сошьют друзья мне саван,
Не схоронят в тишине...
В день моей печальной смерти
Вспомни, царь мой, обо мне.

Все, что я имел при жизни,
Завещаю я народу.
Ты раздай богатства бедным,
Возврати рабам свободу,
Надели моей казною
Всех убогих и сирот.
Пусть о витязе погибшем
Вспоминает весь народ.

И еще, о царь могучий,
Я молю за Шермадина.
Ныне, может быть, надолго
Он лишился господина.
Чтобы он в часы разлуки
Не терзал своей души,
Ты рассеяй его заботы,
Слез потоки осуши».

Кончив скорбное посланье,
Помолился витязь Богу,
Попрощался с Шермадином
И отправился в дорогу.
О его отъезде тайном
Слух разнесся по окраинам.
Царь, услышав эти вести,
В горе был необычайном.

«О мой сын, — рыдал он горько,
Бросил ты меня навеки!
Без тебя не светит солнце,

Только слез струятся реки.
Уж очей твоих прекрасных
Никогда я не увижу,
Никогда твоих я кликов
На охоте не услышу.

Знаю я, в далеких землях
Над тобой не властен голод,
Верный лук тебя прокормит —
Меток ты, здоров и молод.
Если же, судьбой гонимый,
Не вернешься ты с чужбины,
Кто придет меня утешить,
Пожалеть мои седины?»

И когда от Шермадина
Получил он завещанье,
Запретил войскам в цветное
Облачаться одеянье.
Скорбь повсюду воцарилась,
И молился каждый воин,
Чтобы помощи небесной
Был скиталец удостоен.

**Сказание четырнадцатое.
О том, как Автандил разыскал витязя во второй раз**

Как цветок в разлуке с солнцем
Понемногу увядает,
Так, уехав от любимой,
Бедный витязь унывает.
Гонит он коня лихого,
Едет ночью, едет днем,
Унося прекрасный образ
В сердце горестном своем.

«О любимая царица! —
Восклицает он уныло. —
Ты ресницами скитальца,
Словно копьями, пронзила.
Благовонными устами
И агатами очей
Ты мое сразила сердце,
Слез исторгнула ручей.

Солнце, ты, по слову мудрых,

Нам являешь образ Бога,
Ты над звездами владыка,
В небесах твоя дорога.
Сжался, солнце, надо мною!
Бедный пленник, я молю:
Дай увидеть мне царицу
Незабвенную мою».

Длинный день к концу подходит,
В небеса луна восходит.
Едет витязь по тропинкам
И с луною речь заводит:
«Ты, луна, сердца влюбленных
Озарить умеешь вмиг, —
Дай увидеть мне царицу,
Чей с тобою сходен лик».

Ночь несла ему отраду.
Днем, от зноя изнывая,
Подъезжал к реке он часто
И смотрел в нее, рыдая.
Из очей струился в воду
Слез сияющий поток...
Ни один еще влюбленный
Так не плакал, одинок.

Наконец добрался витязь
До пещеры Тариэла.
Перед ней Асмат-рабыня
Одинокая сидела.
Дева бросилась навстречу,
Автандил сошел с коня.
«Где мой друг? — спросил он деву. —
Ожидает ли меня?»

Дева горько зарыдала
И ответила герою:
«Лишь уехал ты отсюда,
Попрощался он со мною
И пропал в степях далеких,
Одиночеством томим.
Ни один не знает смертный,
Что теперь случилось с ним».

Прямо в сердце пораженный,
Витязь вымолвил: «Сестрица,
Тариэлу в день отъезда

Обещал я возвратиться.
Обещанье я исполнил,
Он же клятвой пренебрег,
Не дождался и уехал,
Горя вытерпеть не мог».

«Витязь, — девушка сказала, —
Мудрено судить его нам:
Человек, лишенный сердца,
По своим живет законам.
Сердце в муках умирает,
Вслед за сердцем гаснет ум.
Человек, ума лишенный,
Своеволен и угрюм.

Описать его мученья
Невозможно без труда мне:
Увидав его безумным,
Вопиют в пустыне камни;
Слез его довольно б было,
Чтоб составился ручей;
Звери мечутся лесные,
Слыша звук его речей.

Провожая Тариэла,
Я, несчастная, спросила:
«Что теперь должна я делать,
Коль увижу Автандила?» —
«Передай ему, — ответил
Бедный витязь, — что опять
Буду я в степях скитаться
И героя ожидать.

Этих мест я не покину,
Приютит меня округа.
Если витязь мой приедет,
Он найти сумеет друга.
Если ж я умру до срока,
Неземным огнем сожжен,
Пусть мой прах осиротелый
Похоронит с честью он».

Автандил к реке спустился,
Проскакал через равнину.
Ветер жег ему ланиты,
Цветом равные рубину.
Витязь кликал Тариэла,

Звал его среди лесов,
Но, увы, скиталец бедный
Не откликнулся на зов.

Так прошло два дня, две ночи.
Автандил на холм поднялся;
С высоты, залитый солнцем,
Дол прекрасный открывался.
На опушке дальней рощи
Конь разнузданный стоял.
«Это он!» — воскликнул витязь
И к опушке поскакал.

И когда, достигнув рощи,
Он увидел Тариэла,
Сердце в нем остановилось
И душа оцепенела:
Тариэл лежал, как мертвый,
Запрокинув к небу лик;
Ворот был его разодран,
Взор беспомощен и дик.

Справа возле Тариэла
Лев лежал, мечом сраженный,
Слева — тигр, убитый насмерть,
Алой кровью обогранный.
Меч отброшен был далеко,
Тариэл едва дышал...
Витязь слез с коня и друга,
Наклонясь, поцеловал.

Вздрыгнул друг, повел очами,
Прояснилось в нем сознание.
«Милый брат, — сказал он тихо, —
Я исполнил обещанье:
Я дожил до нашей встречи,
Но, увы, истратив силы,
Ныне я прошу у Бога
Лишь забвенья и могилы».

«О, — воскликнул бедный витязь,
Обнимая Тариэла, —
Головой тебе клянусь я —
Злое ты задумал дело!
Знай, тебя смущает дьявол,
Вечный враг людского рода.
Жизнь свою пресечь до срока

Запрещает нам природа.

Если мудр ты и желаешь
Быть, как прежде, добрым мужем,
Знай, что мужеством единым
Мы любви великой служим.
Если ж в слабости сердечной
Ты весь мир возненавидишь,
Разве ты найдешь царевну?
Разве ты ее увидишь?

О, послушайся совета:
Кони нас зовут в дорогу,
Сядем вместе и поедем —
Горе стихнет понемногу.
Недостойно полководца
Поддаваться искушенью.
Время горести минует,
Час настанет утешенью».

Тариэл ответил: «Витязь,
Я тебе едва внимаю.
Страшен мир для человека,
Срок пришел — я умираю.
Верю я: в краю далеком,
За пределами земного,
Разлученные при жизни,
С нею встретимся мы снова.

Кинусь я к моей любимой,
И она пойдет навстречу,
Горько милая заплачет —
Я стенанием отвечу.
Нет, оставь меня, мой витязь,
Уж недолго мне томиться:
К сонму духов бестелесных
Дух мой немощный стремится».

«Вижу я, — ответил витязь, —
Распалил свою ты рану,
Больше грубыми словами
Докучать тебе не стану.
Если сам ты хочешь смерти,
Больше нет тебе спасенья.
Лишь одну исполни просьбу,
Лишь одно услышь моленье.

Та, чьи длинные ресницы,
Словно копья из агата,
Окружают лик кристальный
И чернеют, как ограда,
Та, чьей гордой красотой
Сердце брошено в горнило,
Возлюбив тебя, как брата,
В путь меня благословила.

Одолел я путь тяжелый,
Разыскал тебя в пустыне —
Ты меня отсюда гонишь,
Приготовившись к кончине.
На прощание, молю я,
Пересиль свое упорство,
Дай твою увидеть силу
И твое узнать проворство».

И, поднявши Таризла,
Витязь кликнул вороного.
Конь приблизился послушный.
Не сказав в ответ ни слова,
Таризл с глубоким вздохом
Сел на верного коня
И поехал по долине,
Низко голову склоня.

И затих в нем понемногу
Сердца жар невыносимый,
Оживился лик кристальный,
Загорелся взор орлиный.
Был наездник он отважный,
И, ездою развлечен,
Постепенно возвращался
К многотрудной жизни он.

Автандил следил за другом,
Преисполненный участия.
«Витязь, — он сказал, — я знаю,
Ты хранишь свое запястье,
На груди его ты носишь,
Плачешь, сетуешь над ним...
Неужели дар царевны
Так тебе необходим?»

«Этот дар, — ответил витязь, —

Дар единственный на свете;
Смысл моей несчастной жизни
В драгоценном том предмете.
Мне дороже всех сокровищ
Этот дивный талисман,
Мира целого дороже,
Рек его, морей и стран».

Автандил сказал: «Однако
У чеканщика он куплен,
Он безжизнен, бессловесен,
Безучастен, неразумен.
Ты расстаться с ним не можешь,
Но Асмат, сестру свою,
Покидаешь, неразумный,
В этом горестном краю.

Знаю я, Асмат-рабыню
Ты нарек своей сестрою,
О тебе она тоскует,
Делит горести с тобою.
Помнишь, как она служила
И царевне и тебе?
Неужели позабыл ты
О лихой ее судьбе?»

«Я хотел уйти от мира, —
Витязь вымолвил тоскливо, —
Но сестра моя несчастна —
Рассудил ты справедливо.
Едем к ней, она зовет нас
И вздыхает тяжело.
Расскажу я по дороге,
Что в лесу произошло».

Сказание пятнадцатое. О том, как Тариэл убил льва и тигра

Раз я ехал по дороге,
Вспоминая про царицу.
Вижу — в зарослях окрестных
Лев преследует тигрицу.
Я помчался вслед за ними.
Лев догнал свою подругу,
Звери начали ласкаться
И шуметь на всю округу.

Так они играли долго,
Но, беззлобные вначале,
Нападая друг на друга,
Вдруг от злобы зарычали.
Лев вонзил в тигрицу когти,
Та отпрянула робея.
Лев, почуяв запах крови,
Грозно кинулся за нею.

Рассердился я на зверя
И метнул копьё стальное.
Лев упал, копьем пронзенный,
И пополз, протяжно воя.
Я мечом его ударил
И рассек его с размаха.
Рухнул мертвый зверь на камни,
Поднимая груды праха.

Меч отбросил я далеко
И прекрасную тигрицу
Обхватил двумя руками,
Словно царь свою царицу.
Грозно хищница рычала
И рвала когтями кожу.
Обезумел я от боли
И ее прикончил тоже.

Вот, мой брат, — закончил витязь,
Дал мне Бог судьбу какую.
Дик я, зол и бессердечен,
Если плачу и тоскую.
Не могу я жить на свете,
Смерть одна моя отрада.
Кроме смерти и забвенья,
Ничего мне здесь не надо».

Долго длился путь печальный.
Но окончилась дорога,
И Асмат, друзей встречая,
Появилась у порога.
Слезы радости струились
Из ее больших очей.
Тариэл сошел на землю
И заплакал вместе с ней.

Так вошли они в пещеру

И на шкуры опустились.
Подала рабыня ужин,
Оба друга подкрепились
И заснули сном глубоким,
Истомленные тоской,
И Асмат у изголовья
Охраняла их покой.

И едва на темном небе
Появился луч светила,
Тариэл сказал герою
Безнадежно и уныло:
«Жизнь мою спасти сумел ты,
Но огонь моей души
Потушить никто не может
В этой горестной глуши.

Был разумным я когда-то,
Нынче час пришел безумья.
Оттого в моей пустыне
Своеволен и угрюм я.
Исцелить меня не в силах
Ни единый человек.
Возвратись же в край родимый
И покинь меня навек».

Автандил вздохнул глубоко
И сказал такое слово:
«Отпросившись у царицы.
Я к тебе приехал снова.
Я сказал ей: «Мне без друга
Не прожить теперь и дня;
Отпусти меня, царица,
Не удерживай меня!»

И сказала мне царица:
«Ты решил, как должно другу.
Помогая Тариэлу,
Мне окажешь ты услугу».
Если я тебя покину,
Что сказать я должен ей?
Трус я буду и предатель,
Забывающий друзей.

Нет, не нужно этих споров!
Делай, как тебе угодно,
Коль не хочешь быть разумным,

Плачь, неистовствуй бесплодно.
Об одном тебя молю я:
Посреди своих невзгод
Собери остаток силы
И скрепи себя на год.

Через год, когда минуют
Ураганы и морозы,
Через год, когда повсюду
Расцветут обильно розы,
Жди меня. Объехав землю,
Я вернусь к тебе опять,
Может быть, следы царевны
Мне удастся отыскать».

Тариэл ответил: «Витязь,
Глух ты стал к моим советам.
Нелегко найти царевну,
Убедишься сам ты в этом.
Я твою исполню просьбу,
Подчинюсь моей судьбе,
Лишь бы смерть — отрада слабых —
Не взяла меня к себе».

Снова витязи простились
С опечаленной девицей.
Покраснели их ланиты
И сравнялись с багряницей,
На очах сверкнули слезы,
И Асмат, обнявши их,
Снова горестных рыданий
Не могла сдержать своих.

В этот день два верных друга
Путешествовали вместе.
Трудно было им расстаться,
Каждый думал о невесте.
Наконец на берег моря
Вывел их печальный путь.
Время было подкрепиться
И с дороги отдохнуть.

Автандил промолвил: «Витязь,
Здесь проститься суждено нам.
Не пойму я, как случилось,
Что расстался ты с Фридоном?
Весть о девушке пропавшей

Получил ты от него.
Ныне еду я к Фридону.
Как, скажи, найти его?»

Тариэл, подъехав к морю,
Показал ему дорогу:
«Вдоль по берегу морскому
Направляйся ты к востоку.
Если встретишь ты Фридона,
Передай ему привет.
Славный царь Мульгазанзара
Стал мне другом с юных лет».

Подстрелив козленка в роще,
Сели витязи за ужин.
Небогат был пир походный,
Но зато по-братски дружен.
На заре они проснулись,
Повели коней к ручью.
И разъехались, рыдая,
Каждый в сторону свою.

Сказание шестнадцатое. Моление Автандила светилам

О печальный мир, скажи мне,
В чем твоя сокрыта тайна?
Что ты гонишь человека
И гнетешь необычайно?
Ты ведешь его откуда
И смешаешь где с землею?
Только Бог один заступник
Всем, отвергнутым тобою!

Разлученный с Тариэлом,
Автандил в дороге плачет:
«Горе мне! В тоске и муке
Снова путь далекий начат.
Так же нам трудна разлука,
Как свиданье после смерти.
Человеческие души
Равной мерою не мерьте!»

Звери вокруг него толпились,
Слезы горестные пили.
Душу, полную печали,

Он сжигал в своем горниле.
Образ нежный Тинатины
Вспоминал он, полон муки, —
Розы губ полуоткрытых
Были скорбны от разлуки.

Вяла роза, увядала
Ветвь прекрасного алоэ,
Потемнел кристалл точеный,
И рубин померк от зноя,
Но шептал он сам с собою,
Чтобы сердце укрепилось:
«Что дивишься, сердце, мраку,
Если солнце закатилось?»

И воззвал тогда он к солнцу:
«Солнце! Образ Тинатины!
Оба вы с моей царицей
Освещаете долины.
Я, безумный, я, влюбленный,
Упиваюсь вашим светом.
Ах, зачем мое вы сердце
Оттолкнули несогретым!

Если солнце угасает,
Людям холодно зимою.
Не одно, но два светила
Ныне гаснут надо мною, —
Как же мне в беде не плакать?
Лишь утес не знает боли.
Нож — плохой больному лекарь:
Ранит тело поневоле».

И опять, взглянув на солнце,
Витязь жаловался бедный:
«Солнце, Солнце! В дальнем небе
Ты свершаешь путь победный,
Ты смиренных возвышаешь,
Счастье им даешь и силу.
Возврати меня к царице,
Будь защитой Автандилу!

О Зуал⁸, планета скорби!
Ты умножь мои стенанья,

⁸ Зуал — планета Сатурн.

Положи на сердце траур,
Тьмой окутай мирозданья,
Бремя тяжкое унынья
Возложи ты мне на плечи,
Но скажи ей: «Твой любимый
О тебе грустит далече».

О Муштари!⁹ Над Землею
Ты судья благочестивый.
Вот пришли на суд два сердца —
Рассуди их, справедливый!
Не губи души, владыка,
Бессердечным приговором, —
Прав я, прав! Но ранен в сердце
И пронзен прекрасным взором.

О Марих¹⁰, звезда сражений!
Бей меня копьем могучим,
Грудь мою без сожаленья
Обагри потоком жгучим,
Но, молю тебя, царице
О моих скажи страданьях —
Видишь, как томлюсь я ныне,
Обезумевший в скитаньях!

Аспироз¹¹, звезда любви,
На мои склонись моленья!
Помоги мне: я сгораю
От любовного томленья!
Украшаешь ты красавиц
Беспримерной красотой, —
Я красавицей погублен,
Сжался, сжался надо мною!

Отарид¹², с твоей судьбою
Я судьбу свою равняю:
Солнце властвует тобою,
От него и я сгораю.
Опиши мои мученья!

⁹ *Муштари* — Юпитер, планета правосудия.

¹⁰ *Марих* — планета Марс.

¹¹ *Аспироз* — планета Венера.

¹² *Отарид* — Меркурий, планета путешествий и торговли.

Вот из слез моих чернила,
Пусть пером тебе послужит
Стан иссохший Автандила.

О Луна, твой лик прекрасный
То в ущербе, то в расцвете.
Так и я, по воле Солнца,
То сильнее всех на свете,
То слабее самых слабых.
Не покинь меня, молю я,
Расскажи моей царице,
Как скитаюсь я, тоскуя.

Вот свидетельствуют звезды,
Наклоняясь надо мною,
Солнце, Отарид, Муштари
И Зуал полны тоскою,
Аспироз, Марих с Луною
На мои взирает муки, —
Не покинь меня, царица,
В день печали и разлуки».

И опять сказал он сердцу:
«Сердце, полно убиваться!
Дьявол нас подстерегает.
Чтоб над нами надругаться.
Над челом моей царицы
Реют вороновы крылья.
Чтобы радость к нам вернулась,
Собери свои усилья.

Если я в живых останусь,
Если мужественным буду, —
Может быть, увижу солнце
И о муках позабуду».
Сладко пел прекрасный витязь,
Слез поток струился, дробен.
Соловей пред Автандилом
Был сове лесной подобен.

Слыша пенье Автандила,
Звери плакали лесные,
Из реки на берег камни
Выходили, как живые,
И внимали, и дивились,
И напев его печальный
Заставлял их горько плакать

Над душой многострадальной.

**Сказание семнадцатое.
О том, как Автандил прибыл в Мульгазанзар**

Долго ехал юный витязь.
Лишь на день семидесятый
Он корабль заметил в море, —
Странник, горестью объятый.
Моряки пристали к суше,
И спросил у них герой:
«Чье, скажите, это царство?
Есть ли город тут какой?»

И сказали мореходы:
«Здесь турецкая граница,
Там — сады Мульгазанзара.
Недалеко и столица.
Правит этим славным царством
Витязь доблестный Фридон.
Муж воинственный и щедрый,
Нам сердца пленяет он».

Автандил коня пришпорил
И помчался по дороге.
В отдаленье показались
Белоснежные чертоги.
Сотни воинов отважных
Окружали цепью луг
Стрелы в воздухе носились
Звери падали вокруг.

Вдруг над самою охотой
Молодой орел поднялся.
Автандил за лук схватился
И за птицею погнался.
Метким выстрелом сраженный
Пал орел. И Автандил,
Летуну подрезав крылья,
Прямо к ловчим поспешил.

Расступился круг широкий,
И Фридон с холма крутого
Увидал перед собою
Чужестранца молодого.
Вот раба послал он к гостю

И велел ему узнать,
Кто осмелился без спросу
Цепь облавы разорвать.

Раб подъехал к Автандилу,
Но, взглянув на лик прекрасный,
Словно столб остановился,
Восхищенный и безгласный.
Витязь молвил: «Возвращайся
К господину твоему.
Брат названный Тариэла
Прибыл, посланный к нему».

И когда Фридон услышал
Имя друга Тариэла,
Сердце громко в нем забилося
И душа повеселела.
Быстро он с холма спустился
И воскликнул, поражен:
«Этот витязь равен солнцу!
Коль не солнце, кто же он?»

Слезли витязи на землю,
Крепко обняли друг друга.
Сотни воинов сбежались
Из охотничьего круга.
Все смотрели на пришельца,
Все дивились. Наконец
На коней друзья вскочили
И помчались во дворец.

И сказал Фридону витязь:
«Чтоб мое узнал ты дело —
Кто я, еду я откуда,
Где узнал я Тариэла, —
Расскажу тебе всю повесть,
Весь печальный мой рассказ.
Тариэл, мой брат названный,
Вспоминает нынче нас».

И поведал он Фридону
Все от самого начала:
Как любимая царица
В дальний путь его послала,
Как увидел он героя,
Побратался как он с ним,
Как живет в пещере витязь,

Одиночеством томим.

Услыхав рассказ печальный,
Царь заплакал с Автандилом.
Вся окрестность огласилась
Причитанием унылым.
Слез поток неудержимый
Был ресницами запружен,
И струились по ланитам
Нити длинные жемчужин.

И вослед царю Фридону
Стража громко зарыдала —
Те себя по лицам били,
Те швыряли покрывала.
Автандил небесноликий
Был отрадою для взора.
Под шатром ресниц тяжелых
Он таил зениц озера.

Так вошли герои в город.
Посреди высоких башен
Там стоял дворец Фридона,
И велик и разукрашен.
Слуги в платьях драгоценных
Красовались длинным строем,
И вельможи шли навстречу,
Восхищенные героем.

Вот за стол друзья уселись.
Время трапезы пришло.
Сто вельмож в одеждах пышных
По бокам от них сидело.
Утварь чудная явилась,
Все вокруг засуетилось,
И вино в высоких кубках
Зашипело, заklubилось.

Так, в веселье и забавах,
Дни за днями проходили.
Царь Фридон души не чаял
В благородном Автандиле.
Наконец взмолился витязь:
«О Фридон, не обессудь,
Должен я тебя покинуть
И пуститься в дальний путь».

Царь Фридон ответил: «Знаю,
Спорить мне не подобает —
Ты спешишь, огнем, великим
Сердце витязя пылает.
Но чтоб в горестных скитаньях
Не забыл ты про меня,
Дам тебе рабов я верных
И послушного коня».

Четырех рабов он кликнул
И для будущих сражений
Дал им панцири стальные
И прислал вооруженье,
Меру золота отвесил,
Иноходца подарил —
Статный конь в богатой сбруе
Всех коней прекрасней был.

Вышли витязи за город,
Поднялись на холм высокий.
«Здесь, — сказал Фридон, — пристала
Лодка девы черноокой.
Два раба везли царевну,
Я хотел ее отнять,
Но рабы, заслышав топот,
В море бросились опять».

Автандил с царем Фридоном
Крепко обняли друг друга.
Войско выстроилось цепью
Посреди большого луга.
Автандил простился с войском,
Шлем надвинул боевой
И помчался по дороге
В край неведомо какой.

Сказание восемнадцатое. Битва Автандила с пиратами

День за днем сто дней проходят.
Солнце всходит и садится.
Вдоль по берегу морскому
Автандил с рабами мчится.
Вот блеснул в заливе парус.
Показались верблюды.
На песке лежали кучей

Дорогих товаров груды.

Караванщики стояли,
Призадумавшись, над морем.
Лица были их печальны
И сердца объаты горем.
Автандил подъехал ближе,
Произнес слова привета
И спросил их: «Кто вы, люди?
Из какой вы части света?»

И сказал Усам премудрый,
Предводитель каравана:
«Мы торговцы из Багдада,
Исповедники Корана.
Люди веры Магомета,
Не берем мы в рот хмельного.
Ныне едем мы с товаром
В славный град царя морского.

Здесь какого-то беднягу
Полумертвого нашли мы.
Вел корабль он из Египта,
Но, к купцам неумолимы,
Кровожадные пираты
На него в пути напали,
Все разграбили товары
И людей поубивали.

Лишь один бедняга этот
Избежал огня и пыток...
Как нам быть? Обрато ехать —
Понесем в делах убыток.
Выйти в море тоже страшно —
Может больше быть потеря:
Трудно справиться с врагами,
Силам собственным не веря».

«Не горюйте, — молвил витязь, —
Что напрасно вам томиться!
Предназначенное Богом
Пусть над нами совершится.
Буду вашей я защитой
И залогом вашей крови.
Пусть приблизятся пираты —
Меч держу я наготове».

«Этот витязь крепок сердцем, —
Так Усам промолвил людям. —
Под его защитой храброй
В безопасности мы будем».
Все со старцем согласились
И, товары погрузив,
На корабль спокойно сели
И покинули залив.

Солнце яркое светило,
Ветер выдался попутный —
Путешественникам выпал
Путь приятный и нетрудный.
Вдруг вдали корабль пиратов
Показался с длинным флагом;
Был таран на нем поставлен,
Приготовленный к атакам.

Завывая громко в трубы,
Шли грабители навстречу,
Грозным голосом кричали,
Вызывая всех на сечу.
Корабельщики в испуге
Побелели, точно мел.
Только витязь был спокоен,
Только он не оробел.

«Вы, купцы, — сказал он, — трусы,
На войну вы не ходили.
Чтобы стрелами пираты
В битве вас не перебили,
Уходите все отсюда,
Дверь прикройте за собой —
Я один злодеев встречу
И приму смертельный бой».

И когда, крича и воя,
К ним приблизились пираты,
Взял он палицу большую,
Не спеша оделся в латы,
Шлем на голову надвинул
И поднялся на корму.
И корабль, грозя тараном,
Повернул свой нос к нему.

Вот таран взметнул навстречу

Наконечник свой лемешный.
Автандил, вооруженный
Крепкой палицей железной,
Вдруг ударил по тарану:
И, заломлен пополам,
Полетел таран в пучину
И понесся по волнам.

Образумились пираты,
Но бежать уж было поздно —
Прыгнул к ним бесстрашный витязь
И оружие поднял грозно.
Он иных кидал в пучину,
Друг о друга бил других;
Восьмерых схватил в охапку;
Ударял в девятерых.

И в ужасной этой битве
Нелегко пришлось пиратам...
Одержав победу, витязь
Корабли связал канатом
И позвал купцов трусливых...
Увидав, что кончен бой,
Те пришли в себя и мигом
Появились всей толпой.

И когда корабль пиратов
Мореходы осмотрели,
Столько там нашли сокровищ,
Сколь не видели доселе.
Перечли они добычу
И к себе перенесли;
И корабль, разбитый в щепки,
Покидая, подожгли.

И сказал Усам герою,
Мореходов предводитель:
«Витязь, ты защита наша,
Ты наш храбрый избавитель,
Спас ты нас от верной смерти,
Не щадил себя в борьбе, —
Ныне все товары наши
Мы приносим в дар тебе».

Автандил ответил: «Братья,
Если б я искал наживы,
Все, что лучшего есть в мире,

Все в казне б моей нашли вы.
Что сокровища мне ваши?
Не обидел Бог меня —
Самого себя имею
И отважного коня.

Об одном прошу вас, братья:
Собираясь у амбаров,
Про меня вы говорите:
«Вот хозяин всех товаров».
Я купцом переоденусь
И, пока не минул срок,
Буду жить среди торговцев,
Отдыхая от тревог».

Услыхав такое слово,
Корабельщики сказали:
«Видим мы, отважный витязь,
Ты в заботе и печали.
Все, о чем ты ни попросишь,
Каждый сделает из нас,
Жизнь свою не пожалеет
И сокровища отдаст».

День кончался беспокойный,
Солнце тихо заходило.
Моряки втащили якорь
И поставили ветрило.
Море вдруг заволновалось,
Ветер в мачтах зашумел,
И корабль к царю морскому,
Словно птица, полетел.

Сказание девятнадцатое. О том, как Автандил прибыл в Гуланшаро

Славен город Гуланшаро!
Царь морей — его владыка.
Красотою он пленяет
Всех, от мала до велика.
Пышным садом окруженный,
Тонет в зелени он весь,
И цветы оттенков разных
Никогда не вянут здесь.

Автандил причалил к суше

И, тяжелыми цепями
Привязав корабль к причалам,
Сел на стул под деревьями.
И пришел к нему садовник,
И спросил его герой:
«Хороша ль у вас торговля
И в цене товар какой?»

«О купец, — сказал садовник, —
Славный город Гуланшаро,
Расположенный на море,
Полон всякого товара.
Много здесь купцов богатых,
И со всех концов земли
Дивных редкостей немало
К нам привозят корабли.

Царь морей Мелик-Сурхави
Этим городом владеет.
Всякий, кто сюда приедет,
Будь хоть стар, — помолодеет.
Ежедневно здесь пирушки,
Веселится весь народ,
И цветы в садах чудесных
Здесь не вянут круглый год.

Я — смотритель за садами
Именитого Усена.
Он — глава торговцев здешних,
Вся ему подвластна мена.
Этот сад, где вы пристали,
Служит отдыхом ему.
Ныне вам явиться должно
К господину моему.

Но приехали вы поздно,
Сам Усен теперь в отъезде,
Лишь Фатьма, его супруга,
Может встретить вас на месте.
О прибытье каравана
Доложу я ей сейчас,
Слуг она пошлет навстречу
И принять прикажет вас».

Скоро слуги появились,
Судно быстро разгрузили
И товары на храпенье

В караван-сарай сложили.
И Фатьма, встречая гостя,
Появилась у дверей.
Поклонился низко витязь
И вошел в покои к ней.

Именитая хозяйка
Хороша была собою;
По годам немолодая,
Всем казалась молодою:
Станом стройная, как дева,
И прекрасная лицом,
Много слуг она имела
И нарядов полон дом.

Витязь ей поднес подарки,
И она, сияя взглядом,
Угощала Автандила
И сама сидела рядом.
Поздно кончилась пирушка.
На рассвете Автандил
Развязал свои товары
И на части разделил.

Драгоценные каменья,
Без оправы и в оправе,
Были посланы на выбор
Во дворец Мелик-Сурхави.
Все сокровища другие
Были отданы купцам,
И купцы их продавали,
Как назначил им Усам.

Сказание двадцатое.

О том, как Фатьма освободила Нестан-Дареджан от ее похитителей

Автандил, купцом одетый,
Жил под кровлею Усена.
Между тем с Фатьмой внезапно
Приключилась перемена:
Стала мрачною хозяйка
И, как раньше, за столом
Не беседовала больше
С рассудительным купцом.

Так летели дни за днями.

Как-то раз, в часы досуга,
«Госпожа моя, — воскликнул
Автандил, — ты ждешь супруга!
Почему же ты тоскуешь
И зачем не весела?
Отчего печаль немая
На чело твое легла?»

«Ах, купец, — Фатьма сказала, —
Все мне в тягость, жизнь постыла.
Как мои ни льются слезы,
Не вернуть того, что было.
Деву, лучшую на свете
И подругу из подруг,
Предал участи печальной
Ненавистный мой супруг.

Ах, купец, к тебе я ныне
Преисполнена доверья!
Не могу молчать я больше,
Все скажу тебе теперь я.
Может быть, Фатьме несчастной
Ты полезный дашь совет,
Как ей пленницу избавить
От ее великих бед.

Слушай, путник. Существует
Здесь обычай новогодний:
Закрываем мы торговлю,
И купцы поблагородней
Во дворец идут обедать
И несут царю дары —
Кто каменья дорогие,
Кто роскошные ковры.

Царь гостей обедом кормит
И дарами наделяет.
Десять дней гремят кимвалы,
Арфы звонкие бряцают,
На арене мечут копыя,
На лугу играют в мяч,
На ристалищах огромных
Лошадей пускают вскачь.

Раз, обычай соблюдая,
Позвала меня царица
Вместе с женами торговцев

Во дворец повеселиться.
Поздно вечером вернулись
Мы веселые домой,
И подруг своих любимых
Привела я в дом с собой.

В сад мы весело спустились
И певцов с собою взяли.
Забавляясь, я меняла
И прически и вуали.
Наконец пришли мы в домик,
Что висит над самым морем,
И затихла я внезапно,
Вся охваченная горем.

Что тогда со мной случилось,
Рассказать я не умею.
Увидав, что я печальна,
Все ушли гулять в аллею.
В доме я одна осталась,
И окно приотворила,
И смотреть на море стала
Безнадежно и уныло.

Море тихо волновалось,
Гасло солнце золотое.
Вдруг мелькнуло в отдаленье
То ль животное какое,
То ли маленькая птица...
Но приблизилось виденье,
И признала в нем я лодку,
Что скользила по теченью.

Лодка к берегу пристала.
Озираясь боязливо,
Два раба чернее сажи
Вышли на берег залива.
Все вокруг спокойно было,
Не следил никто за ними;
Только я вверху сидела,
Не замеченная ими.

Осмотрев пустынный берег,
Вновь они спустились в лодку,
И ковчег внесли на берег
И открыли в нем решетку.
Из ковчега вышла дева

В черной редкостной вуали.
Солнце, полное сиянья,
С ней сравнялось бы едва ли.

Дева грустно оглянулась,
И лучи очей прелестных,
Озарив ночные скалы,
До высот дошли небесных.
Опустила я ресницы
И окно скорей закрыла.
И смотреть была не в силах
На чудесное светило.

Четырех рабов отважных
Позвала к себе тогда я
И сказала им: «Смотрите,
Гибнет дева молодая!
Подойдите незаметно,
Чернокожих окружите.
Что запросят, то и дайте,
Только пленницу купите.

Если ж эти два злодея
Не уступят вам девицу,
Вы убейте их без страха
Или бросьте их в темницу».
Вот рабы подкрались к лодке,
Окружили незнакомцев,
И к торговле приступили,
Развязав мешок червонцев.

У окошка я стояла.
Вижу — те не уступают,
Гонят прочь моих посланцев
И клинками угрожают.
«Смерть злодеям!» — я вскричала.
Тут рабы их повалили,
Обезглавили и в море
Вражьи трупы потопили.

Я пошла навстречу к деве
И склонилась перед нею.
Как была она прекрасна —
Рассказать я не умею.
Перед нею меркло солнце,
И лучи ее ланит
Ослепляли бедных смертных

Так, как солнце не слепит».

И Фатьма, рыдая горько,
В грудь ударила рукою.
Автандил заплакал тоже
И поникнул головою.
«Продолжай, — Фатьме сказал он,
Не томи слезами глаз».
И Фатьма, сдержав рыдания,
Продолжала свой рассказ:

«Эту деву молодую
Всем я сердцем полюбила.
Привела ее к себе я,
На подушки посадила
И сказала ей: «О солнце!
Ты дитя какой земли?
Где тебя злодеи эти,
Милый друг, подстергли?»

И в ответ на эти речи
Дева вся затрепетала,
Истомленная неволей,
Безутешно зарыдала.
Затуманились нарциссы
Ослепительных очей,
Сквозь агатовые стрелы
Слез низринулся ручей.

Наконец она сказала:
«Ты мне матери дороже,
Но мое существованье
Лишь на вымысел похоже.
Кто я? Странница простая
С несчастливою судьбой.
Не хочу хулить я Бога,
Не откроюсь пред тобой».

И решила про себя я:
«Понуждать ее не время,
Пусть рассеется сначала
Молодых печалей бремя.
Успокоится девица
И расскажет все сама, —
Кто торопится без толку,
Сам лишается ума».

**Сказание двадцать первое.
О том, как Фатьма рассказала мужу о своей пленнице**

Эту деву молодую,
Станом сходную с алоэ,
От свидетелей нескромных
В тайном скрыла я покое.
Никому не говорила
Я о пленнице моей,
Только негр, слуга мой верный,
Мог входить в покои к ней.

День и ночь струились слезы
У неведомой девицы,
Над пучиной глаз чернильных
Висли копьями ресницы,
Чаши слез точили очи,
И чудесных губ коралл
Белизну зубов жемчужных,
Открываясь, оттенял.

Не нуждалась эта дева
Ни в шелках, ни в одеяле,
Только шалью покрывалась
И была всегда в вуали.
Руку под голову клала
И спала на ней всю ночь;
И, едва коснувшись пищи,
Отсылала блюдо прочь.

Этой редкостной вуали
Удивлялась я немало.
Ткань ее была, бесспорно,
Крепче всякого металла,
Но была она прозрачна,
И нежна, и не тверда.
Я нигде подобной ткани
Не встречала никогда.

Так со мной вдали от мира
И жила моя бедняжка...
Дни за днями проходили,
Но она страдала тяжко.
Много дней я размышляла,
Как мне бедной пособить.
Наконец решила мужу

Тайну я свою открыть.

Как-то раз пришла я к мужу
И, обняв его, сказала:
«Расскажу тебе, мой милый,
То, что раньше я скрывала.
Поклянись мне страшной клятвой,
Что не скажешь никому,
О моей великой тайне,
Даже другу своему».

Муж сказал: «Пускай о скалы
Я ударюсь головою,
Если недругу иль другу
Эту тайну я открою!»
Рассказала я Усену
Об отшельнице моей,
И взяла его за руку
И свела в покои к ней.

Увидав мое светило,
Муж воскликнул в изумленье:
«Неужели это солнце —
Нам подобное творенье?»
Пали мы перед девицей
И сказали: «О луна!
Что, скажи, тебя сжигает?
Чем душа твоя больна?»

Где, скажи, найти лекарство,
Чтоб помочь великим ранам?
Отчего рубин прекрасный
Ныне сделался шафраном?»
Я не знаю — услышала
Нас девица или нет,
Но свои сомкнула розы
И ни слова нам в ответ.

И когда она, бедняжка,
Поднялась с унылым стоном,
Показалось нам, что солнце
Скрыто огненным драконом, —
Тусклый взор ее светился,
Полон гневного огня.
«Тяжко мне, — сказала дева.
Уходите от меня!»

Плача, дева походила
На угрюмую тигрицу.
Мы заплакали с ней вместе
И покинули девицу.
С этих пор, дела покончив,
Навещали мы ее,
И томилось вместе с нею
Сердце бедное мое».

**Сказание двадцать второе.
О том, как Нестан-Дареджан попала к царю морей**

Как-то раз случилось мужу
Во дворец прийти с дарами.
Царь морей сидел за пиром,
Окруженный моряками.
Принял с честью он Усена,
Посадил перед собою
И поднес большую чашу
С крепкой влагою хмельною.

Выпил муж мой эту чашу,
Глядь — другая появилась,
Из серебряных кувшинов
Влага снова заструилась.
И забыл свою он клятву.
Что ему Коран и Мекка!
Не идут рога ослице,
Хмель не красит человека.

И сказал тогда владыка
Безрассудному Усену:
«Чтоб купить дары такие,
Нужно дать большую цену.
Удивляюсь, где берешь ты
Эти крупные рубины!
Я за них тебе не в силах
Заплатить и половины».

Услыхав хвалу подаркам,
Возгордился безрассудный.
«О, — воскликнул он, — владыка!
Не хвали подарок скудный!
Твоему готовлю сыну
Я сокровище иное —
Солнцеликую невесту,

Станом сходную с алоэ».

И владыке рассказал он
О девице неизвестной,
О слезах ее поведал
И красе ее небесной.
Царь возрадовался сердцем
И велел дворцовой страже
Привести на пир веселый
Ту, которой нету краше.

В доме я одна сидела.
Вдруг явился на пороге
Молодой начальник стражи.
Поднялася я в тревоге.
Он сказал мне: «В этом доме
Скрыта юная луна.
Повелитель мой желает,
Чтоб к нему пришла она».

«Где ж она, девица эта?» —
В удивленье я спросила.
И ответил мне начальник:
«Это дивное светило
В дар принес царю сегодня
Именитый твой супруг.
Приведи скорее деву,
Ждать мне боле недосуг».

Что могла я с ним поделывать?
Обнял душу смертный холод,
Свод небесный содрогнулся,
Гневом Божиим расколот.
К бедной пленнице пошла я,
Низко голову склоня,
Но она, рыдая горько,
Не взглянула на меня.

И сказала я: «О солнце,
Изменила, знать, судьба нам,
Небо в гневе потемнело
И завесилось туманом.
Вот пришел начальник стражи,
Чтоб свести тебя к царю.
Горе мне! Разбито сердце,
Как в огне я вся горю».

Отвечала мне девица:
«Что крушишься ты, сестрица?
То, что раз со мной случилось,
Вновь не может совершиться.
Зло не стоит удивленья,
Уж привыкла к горю я:
Такова на свете белом
Участь горькая моя».

И, без гнева и без жалоб,
Истомленная печалью,
Встала девушка с подушек
И закуталась вуалью.
И надела я на деву
Чудный пояс из жемчужин —
Чтоб купить такое диво,
Целый город был бы нужен.

«Вот, — сказала я девице, —
Может быть, каменья эти
Разорвать тебе помогут
Плена горестные сети».
И взяла бедняжку стража,
И народ собрался мигом
И бежал вослед за нею,
Пораженный дивным ликом.

Царь ее у входа встретил
И воскликнул; «Боже правый!
Вот сошло на землю солнце
В виде девы величавой.
Кто, скажите, кроме Бога,
Мог создать черты такие?
Всякий, кто ее полюбит,
Беды вытерпит лихие».

Посадив с собою рядом,
Царь расспрашивал девицу:
«Кто ты, дева, и откуда
Прибыла в мою столицу?»
Но она не отвечала,
Безучастная к вопросам,
И уста безмолвны были,
Молодым подобны розам.

Царь сказал: «Девица эта

Нас печалит и волнует.
Что молчит она? Быть может,
О возлюбленном тоскует?
Или дух ее, как голубь,
Над людьми парит высоко
И она, чуждаясь мира,
Здесь страдает одиноко?

Поскорей бы сын мой милый
Возвращался с поля брани, —
Эту деву молодую
Исцелит он от страданий.
А пока мой сын в походе,
Пусть живет у нас девица.
Ведь луна в разлуке с солнцем
Так же меркнет и томится»,

И девицу нарядили
В платье царского покроя,
И повесили на шею
Ожерелье золотое,
И надели ей корону
Из прозрачного рубина,
Чтобы радовала роза
Молодого властелина.

И когда опочивальню
Ей устроили вельможи,
Чистым золотом обили
Ей девическое ложе,
Десять евнухов надежных
Поместили у дверей
И позволили девице
Удалиться от гостей.

Пир веселый продолжался.
Заходили снова чарки.
Получил купец за деву
Драгоценные подарки.
Громко били барабаны,
И девица за стеной
Чутким ухом различала
Рокот арфы золотой.

И тогда сказала стражам
Дева, равная пантере:
«Люди добрые, напрасно

Сторожите вы у двери:
Не гожусь я вам в царицы,
Мне иной назначен путь.
Если будете упорны,
Проколю кинжалом грудь.

И тогда несдобровать вам,
Люди добрые, поверьте:
Царь убьет вас без пощады,
Не простит моей вам смерти.
Отпустите вы девицу!
Что страдать напрасно вам?
За свободу я охотно
Все сокровища отдам».

И сняла она корону
Из прозрачного рубина,
Ожерелье расстегнула —
Дар высокий господина,
Сорвала жемчужный пояс,
И угрюмые рабы,
Увидав ее богатства,
Уступили без борьбы.

Снял один из них одежду,
И она накрылась ею.
Через двери боковые
Деву вывели в аллею.
Мимо стражи проскользнула
Незамеченной она —
Так от страшного дракона
Скрылась юная луна.

Поздно вечером беглянка
Мне в окошко постучала.
Дверь я быстро отворила
И красавицу узнала.
«О Фатьма, — сказала дева, —
Дай коня мне, милый друг!
Убежала от царя я
И его усердных слуг».

Чтобы скрыться от погони,
Был скакун отличный нужен.
Привести его для девы
Я велела из конюшен.
На коня уселась дева

И была как бы светило,
Что, сияя в темном небе,
Льва¹³ собой отяготило.

Ночь настала. Слух пронесся
О таинственной пропаже.
Город мигом оцепили,
Понеслись в погоню стражи.
Обыскали все строенья,
Все луга, леса и реки,
Но, увы, светило наше
Нас оставило навеки».

Сказание двадцать третье. О том, как Нестан-Дареджан была заключена в крепость Каджети

Закатилось наше солнце,
И с тех пор в тоске великой
День и ночь я размышляла
О девице солнцеликой.
Стал мне дом мой ненавистен,
И наряды, и ковры,
И Усен-клятвопреступник
Стал мне мерзок с той поры.

Раз, с прогулки возвращаясь,
Шла я около харчевни.
Тут для путников усталых
Был приют устроен древний.
Под деревьями сидели
Три усталые раба,
И была на них одежда
Запыленная груба.

Незатейлив был их ужин,
Но они не унывали;
О дорожных приключеньях
Двое весело болтали.
Третий раб молчал и слушал,
И когда дошел черед,
Молвил он: «Все эти басни
Знает издавна народ.

¹³ Имеется в виду созвездие Льва, то есть созвездие Зодиака.

Но со мной случилось, братья,
Нечто странное сегодня.
Мир велик, различны люди,
И на всем рука Господня,
Но такое, братья, чудо
Я увидел в первый раз.
Ваша речь была крупую,
Будет перлом мой рассказ.

Раб великого царя я,
Повелителя Каджети.
Умер он. Росан и Родья
От него остались дети.
Их воспитывает ныне
Дулардухт, сестра царева,
Хоть и женщина царица,
Но характером сурова.

Дети счастья и удачи,
Мы разбоем промышляем.
Ночью грабим караваны
И торговцев убиваем.
Сто рабов в отряде нашем,
И Рошак — наш предводитель.
Уж немало он сокровищ
Перенес в свою обитель.

Ныне, полночью глухою,
Наш отряд в степи скитался.
Вдруг какой-то свет чудесный
Перед нами показался.
Мы коней остановили,
Пораженные виденьем.
«Уж не солнце ль там спустилось?» —
Я сказал с недоуменьем.

«Нет, — ответили другие, —
Это свет звезды падучей». —
«Вздор какой! — сказали третьи. —
То луна глядит из тучи».
Растянулись мы по степи,
И вперед пошли лавиной,
И виденье окружили,
Что сияло над долиной.

И раздался нежный голос
В том колеблющемся свете:

«Я — гонец из Гуланшаро,
Еду нарочным в Каджети.
Кто вы, путники ночные?
Что вы встали предо мною?»
И возник пред нами всадник,
Сходный с юною луною.

Словно молния ночная,
Все лицо его светилось,
Из очей лилось сиянье
И по воздуху струилось;
Точно копья из агата,
Были длинные ресницы...
И Рошак отважный понял,
Что пред нами лик девицы.

Мы девицу задержали
И спросили: «Кто ты, дева?
Почему одна ты едешь?»
Но, исполненная гнева,
Наша пленница, рыдая,
Не сказала ничего нам...
Жаль тебя, луна ночная,
Поглощенная драконом!

И сказал Рошак нам: «Братья,
Не простое это дело,
Не случайно незнакомка
Платье воина надела.
Бог ее послал нам в руки,
Отведем ее к царице.
Дулардухт довольна будет
И заплатит нам сторицей».

Мы на этом согласились
И в Каджети поскакали.
Дева плакала безмолвно,
Опустив конец вуали...
Я заехал в Гуланшаро
И купил товаров кучу.
Догоню друзей я завтра,
Если лошадь не замучу».

Раб свою закончил повесть.
Услыхав ее случайно,
Я возрадовалась сердцем
В этот день необычайно,

Луч затеплился надежды,
Иссушился слез поток.
Но до пленницы несчастной
Путь был страшен и далек!

Двух рабов, как сажа черных,
В доме я своем имела.
С детства эти эфиопы
Колдовское знали дело:
Стать невидимыми глазу
Без труда они могли
И, как тени, проносились
Над просторами земли.

Я послала их в Каджети,
И они слетали мигом
И, вернувшись, рассказали
Мне в смущении великом:
«Дева в башне неприступной
На скале заключена,
И с царевичем Росаном
Уж помолвлена она.

Но царице не до свадьбы:
Дулардухт объята горем —
У нее сестра скончалась,
Где-то жившая за морем.
Дулардухт за море едет
И с собою хочет взять
Колдунов своих искусных
И бесчисленную рать.

Показался неприступным
Нам великий город каджей.
Там скала стоит до неба,
Вся оцепленная стражей,
И внутри скалы той чудной
Проведен подземный ход —
Он на самую вершину,
В башню пленницы ведет.

Стерегут проход подземный
Десять тысяч самых лучших
Юных витязей отважных
И воителей могучих,
И у трех ворот стоят там
По три тысячи людей».

Горе мне с тобою, сердце!
Нет защиты от цепей».

Автандил, купцом одетый,
Услыхав известья эти,
Молвил: «О Фатьма, скажи мне
Все, что знаешь о Каджети,
Если оборотни каджи
Или духи — объясни,
Почему людьми простыми
Смертным кажутся они?»

«Нет, не оборотни каджи, —
Так Фатьма ему сказала, —
Колдуны они простые,
Но вреда от них немало.
Кто пойдет на них войною,
Будет мигом ослеплен,
И вернется из похода
Чуть живой в отчизну он.

Что творят они над нами,
Эти злые изуверы!
Подымают ураганы,
Топят лодки и галеры,
По воде умеют бегать
И взлетают в высоту,
Ночь сияньем освещают,
Днем наводят темноту».

Автандил с Фатьмой расстался
И вознес молитву Богу.
«Боже, — он сказал, — не даром
Я отправился в дорогу.
Ты на путь меня наставил
И привел меня сюда.
Не оставь меня, великий,
Если встретится беда!»

Автандил проснулся утром,
Преисполненный надежды.
В этот день решил расстаться
Он с купеческой одеждой.
Снова витязем оделся
И хозяйку пригласил.
Лев, от муки исцеленный,
Стал светилом из светил.

Лик его, подобный розе,
Я сравнил бы с пышным садом.
Вот на зов Фатьма явилась,
Он уселся с нею рядом,
Улыбнулся он хозяйке,
И румян и белолиц,
И на садик роз упала
Тень от хижины ресниц.

И сказал он ей: «Не гость я,
Не начальник каравана,
Я — великий полководец
Государя Ростевана.
Рать подвластна мне большая,
И доспехов полон дом.
Лишь на время пред тобою
Я прикинулся купцом.

Есть у нашего владыки
Дочь — царица Тинатина.
Чтоб руки ее добиться,
Я покинул господина.
Отыскать я обещался
Деву, лучшую на свете, —
Ту, которая томится
Ныне в крепости Каджети».

И Фатьме поведал витязь
О любви Тариэла:
«О Фатьма, клянусь тебе я —
Нет любви его предела!
Помоги спасти мне деву,
Истомленную в неволе!
Пусть влюбленные воссядут
На отеческом престоле.

Мы пошлем раба в Каджети,
Пусть к царевне он слетает,
Пусть снесет посланье деве
И о новостях узнает.
Мы со временем исполним
Все, что скажет нам девица.
Уж недолго ей осталось
В заточении томиться!»

И Фатьма в ответ на это
Прошептала: «Слава Богу!
Ты меня утешил, витязь,
И наставил на дорогу».
За рабом она послала.
Тот пришел, как ворон черный,
И собрался в путь далекий,
Госпоже своей покорный.

Сказание двадцать четвертое.
О том, как Нестан-Дареджан послала письмо своему возлюбленному

Вот письмо жены Усена:
«О небесное светило!
Ты ушла от нас и горем
Нас навеки поразила.
О судьбе своей печальной
Не сказала ты ни слова.
Лишь теперь узнала тайну
Я от гостя молодого.

Ныне прибыл в Гуланшаро
Из далекого предела
Автандил, арабский витязь,
Брат названный Тариэла.
Ищет он тебя повсюду,
Чтоб помочь в несчастье брату.
Твой возлюбленный не в силах
Позабить свою утрату.

Через нашего посланца
Получив известья эти,
Напиши нам, о царевна,
Все, что знаешь о Каджети:
Уезжают ли за море
Колдовские эти каджи,
Сколько войска остается
И достаточно ли стражи.

И еще пошли, царевна,
Тариэлу знак любви.
Вырвем мы тебя из плена,
Будь отныне наготове.
Успокойся же, о солнце,
И забудь былые муки —
Лев найдет свое светило
После тягостной разлуки».

Это краткое посланье
Колдуну Фатьма вручила
И отдать письмо царевне
В тот же вечер поручила.
Раб накрылся с головою
Некой мантией чудесной
И над кровлями помчался,
Словно призрак бестелесный.

Как стрела летит из лука
И трепещет от полета,
Так достиг он до Каджети
И прошел через ворота.
Мимо витязей отважных
Он, как призрак, промелькнул,
И никто из них ни разу
На пришельца не взглянул.

Солнцеликая сидела
В тесной каменной темнице.
Вдруг явился перед нею
Некий странник чернолицый.
Безобразный и косматый,
Был он мантией одет
И, как пленнице казалось,
Предвещал немало бед.

Дева вскрикнула в испуге
И отпрянула робея.
Раб сказал: «Не бойся, солнце,
От Фатьмы пришел к тебе я.
Я принес тебе посланье
От любимой госпожи.
Близок час освобожденья!
Не томись и не дрожи!»

Изумленная царевна
Глаз миндалины открыла
И посланье прочитала
И слезами окропила.
«Кто же он, — она спросила, —
Этот витязь молодой?
После долгих лет изгнанья
Кто сочтет меня живой?»

Раб сказал: «С тех пор как, солнце,
Ты попала к этим каджам,
Я клянусь тебе судьбою,
Нет конца страданиям нашим.
Ныне к нам приехал витязь,
Он спасет тебя от бед.
Должен я спешить, царевна,
Напиши скорей ответ».

«Вижу я, — сказала дева, —
Справедливы вести эти.
От кого ж Фатьма узнала,
Что попала я в Каджети?
Значит, он еще не умер,
Мой возлюбленный жених!
Напишу Фатьме письмо я
О страданиях моих».

И царевна написала:
«Госпожа моя сестрица!
Ты мне матери дороже,
Лишь к тебе мой дух стремится.
Ты меня спасла когда-то,
Снова я теперь в плену:
Сотня витязей отважных
Стерегут меня одну!

Что еще могу ответить
На твои благие вести?
Повелительница каджей
И войска ее в отъезде,
Но бесчисленная стража
Здесь стоит и день и ночь,
Как бы вы ни захотели,
Невозможно мне помочь.

Пусть возлюбленный мой витязь
Не спешит сюда с войною.
Если он в бою погибнет,
Смертью я умру двойною.
Напиши ему посланье,
Пусть не плачет обо мне.
Я о нем не позабуду
В этой дальней стороне...

Ныне шлю ему на память,
В знак любви и печали,

Из моей темницы тесной
Лоскуток моей вуали.
Та вуаль отбита милым
У хатавов, и она,
Всюду странствуя со мною,
Как судьба моя, черна».

Кончив скорбное посланье,
Дева пишет Тариэлу.
Сердце в муке пламенеет,
Слезы льются без предела.
Сквозь расщепленную розу
Чуть виднеется алмаз.
Вот письмо царевны юной,
Изумляющее нас:

«О мой милый! В заточенье
Вот письмо я начинаю.
Стан пером мне ныне служит,
В желчь перо я окунаю.
На твоём пишу я сердце,
Чтобы слить его с моим.
Не забудь о друге, сердце,
Навсегда останься с ним!

Жив ли ты, о мой любимый,
Я не ведала доселе.
Все мои иссякли слезы,
Дни тянулись, как недели.
Ныне я узнала правду
От волшебного гонца —
И смирилась перед Богом,
И прославила творца.

Если жив ты, мой любимый,
Сердцу этого довольно;
Пусть израненное ноет, —
Утешаюсь я неволью.
Вспоминай меня в разлуке,
Нелюдим и одинок.
Я любовь мою лелею,
Как диковинный цветок.

Как сумею рассказать я
О былой моей печали?
Удивится каждый смертный,
Но поверит мне едва ли...

Милосердная подруга
От рабов меня спасла,
Но, застигнута судьбою,
Снова я в пучине зла.

Мир страданиями моими
Не насытился доньше.
В руки каджей я попала,
Проезжая по пустыне.
В башне я сажу высокой
Вдалеке от всех людей,
И ведет лишь ход подземный
К келье каменной моей.

Дни и ночи злые стражи
Стерегут мой дом высокий.
Не ходи сюда, мой милый,
Не пытай судьбы жестокой!
Если в битве беспощадной
Колдуны тебя убьют,
Сожжена я буду так же,
Как сожжен огнивом трут.

О, не думай, мой любимый,
Что достанусь я другому!
Если нет тебя со мною,
Я чужда всему земному.
Заколю себя клинком я
Или брошусь из окна,
Но тебе останусь верной,
Как всегда была верна.

Помолись, мой милый, Богу,
Чтоб послал он мне спасенье, —
Со стихиями земными
Тяжко мне соединенье.
Бог пошлет мне, бедной, крылья,
Из темницы я взлечу,
Солнце ясное увижу,
Прикоснусь к его лучу.

Без тебя не светит солнце,
Ибо ты — его частица.
Ты вернешься к Зодиаку.
Чтобы в Льва преобразиться.
Буду я в твоём сиянье,
Безмятежная, гореть...

Горько было жить на свете —
Сладко будет умереть!

Что бояться мне кончины?
Душу я тебе вручила,
Навсегда твой милый образ
В бедном сердце заключила.
Вспоминать былое тяжко,
Слишком много в сердце ран.
Обо мне не плачь, мой милый!
Уж таков мне жребий дан.

Лучше в Индию, мой витязь,
Отправляйся ты с полками —
Там отец мой безутешный
Окружен теперь врагами.
Помоги ему в сраженье
И в печали успокой.
Я тебя до самой смерти
Не забуду, милый мой.

Шлю тебе кусок вуали —
Дар любви и участия.
Это все, что мне осталось
От потерянного счастья.
Горе мне! Надежды призрак
Навсегда от нас исчез,
Повернулось к нам с угрозой
Колесо семи небес».

Дева кончила посланье
И кусок вуали черной
Приложила, и умчался
От нее гонец проворный.
Вот он прибыл в Гуланшаро
И спустился на дорогу.
Автандил посланье принял
И вознес молитву Богу.

«Госпожа, — Фатьме сказал он,
Все желанное свершилось.
Чем — не знаю — заслужил я
От тебя такую милость?..
Завтра я тебя покину,
Истекли часы досуга.
Но вернусь еще я к каджам
И возьму с собою друга».

«Лев, — Фатьма сказала, — знаю,
Ты горишь огнем великим.
Нелегко мне, бедной, будет
Расставаться с солнцеликим,
Но спеши, не огорчайся.
И пока войска в отъезде,
Да обрушится на каджей
Справедливое возмездье».

Тут с Фатьмой простился витязь
И позвал рабов Фридона.
«Други, — он сказал, — упала
Наша главная препона:
О царевне мы узнали,
Что в плену она томится.
Силен враг, но будет время —
И разрушится темница.

Поезжайте вы к Фридону,
Передайте вести эти.
Пусть, собрав большое войско,
Выступает он в Каджети.
С полководцем Таризлом
Скоро мы к нему прибудем,
Чтоб воздать герою славу
И его отважным людям.

Вам же я дарю за службу
Все, что отнял у пиратов, —
Много там шелков различных,
И рубинов, и агатов.
Пусть узнает наш владыка,
Как усердно вы служили,
Как его приказом царским
На чужбине дорожили».

Сказание двадцать пятое. О том, как Автандил возвратился в пещеру

Год прошел, весна настала —
Трав зеленых прозябанье.
Уж цвели повсюду розы,
Приближая миг свиданья.
Солнце утром поднималось
В доме нового созвездья.

Витязь, море переехав,
Дорогие вез известья.

Небо вешнее гремело,
Выпадали ночью росы.
Побледневшими устами
Целовал скиталец розы,
И шептал он им: «О розы!
О цветы любви невинной!
Только вы одни остались
Мне в разлуке с Тинатиной».

Витязь ехал по долинам,
Пропадал в пустынях жгучих,
В дикой чаще тростниковой
Убивал зверей могучих.
Вспоминая Тариэла,
Слезы горестные лил...
Наконец достиг пещеры
И коня остановил.

Недалеко от пещеры,
Над пустынной рекою,
Тариэл стоял могучий,
Попирая льва ногою.
Меч, залитый алой кровью,
Трепетал в его руке;
Конь, прекрасный как Мерани,
Мирно пасся вдалеке.

Братья в радости сердечной
Крепко обняли друг друга.
«Здесь, — сказал печальный витязь,
Умирал я от недуга,
Слез кровавыми струями
Омывал очей агат,
Но, тебя увидев ныне,
Все забыл я, милый брат».

Автандил, смеясь, воскликнул:
«Время розе обновиться!
Нету надобности боле
Одинокому томиться.
Получил я о царевне
Утешительную весть.
Есть еще на свете правда
И надежда также есть».

Авандил в куске вуали,
Подав витязю посланье.
Побледнел несчастный витязь,
Прекратилось в нем дыханье,
Пал на землю он, как мертвый.
Стража черная ресниц
Над закрытыми очами,
Трепеща, склонилась ниц.

Авандил на тело друга
Пал, рыдая безутешно.
«Горе мне! — сказал несчастный.
О, зачем я так поспешно
Это яростное пламя
Потушить хотел, глупец?
Неожиданная радость —
Гибель пламенных сердец».

Кровью льва из черной раны
Брызнул он на темя друга.
Тариэл зашевелился
И очнулся от недуга.
Стража черная открыла
Очи дивной глубины;
Вдалеке от света солнца
Стал лазурным луч луны.

Не живут зимою розы —
Губят их снега и стужи:
Летом, в засуху, от солнца
Им еще бывает хуже.
Таково людское сердце:
Горе, радость ли — оно
И безумствовать на свете
И сгорать осуждено.

Плача горькими слезами,
Тариэл читал посланье.
«Что ты плачешь? — друг воскликнул.
Срок окончен испытанья,
Время радости пришло.
Завтра сядем на коней
И отправимся в Каджети
За невестою твоей».

И воспрянул дух страдальца,
И воскликнул он, ликуя:
«Отплатить тебе до смерти,
Милый брат мой, не смогу я!
На цветок, засохший в поле,
Ты излился, как родник,
Осушил мои ты слезы,
Прямо в сердце мне проник».

И пошли они к пещере
С песней мира и привета.
У дверей Асмат сидела,
Вся в слезах, едва одета.
Страх ее объял великий:
Витязь, в горести своей
Вечно плачущий о деве,
Ныне пел, как соловей!

Помутилось в ней сознание,
Но они, смеясь, кричали:
«О Асмат, творец всевышний
Исцелил нас от печали.
Мы нашли царевну нашу.
Вот послание ее!
Отвела судьба от сердца
Всемогущее копье».

Увидав знакомый почерк
Госпожи своей любимой,
Громко вскрикнула рабыня,
И, подобно одержимой,
Затряслась, как в лихорадке,
И сказала: «О творец,
Неужели нашим мукам
Приближается конец?»

И, рыдая, Таризла
Обвила она рукою.
Пали витязи на землю
С благодарственной мольбою.
И вошли они в пещеру,
И жаровню разожгли,
И, уставшие с дороги,
Подкрепились чем могли.

И, склоняясь к Автандилу,
Таризл сказал: «Когда-то

Тут в пещерах жили дэвы
М привольно и богато.
Проезжая по дороге,
Перебил я всех чудовищ,
Поселился в их пещере,
Но не трогал их сокровищ.

Не хотел я раньше видеть,
Что скрывало это племя.
Распечатать их богатства
Лишь теперь настало время».
И повел он Автандила,
И они в проходах тесных
Сорок входов отворили
В сорок комнат неизвестных.

И лежали там богатства
Многочисленные кучей —
Отшлифованные камни,
Дивный жемчуг, самый лучший.
Много было там жемчужин
С крупный мяч величиною;
Груды золота сияли
И звенели под ногою.

Так прошли они вдоль комнат
И вступили в зарадхану —
Кладовую для оружия,
Что под стать любому хану.
Укреплен на длинных крючьях,
Там убор висел военный,
И стоял посередине
Там ковчег запечатленный.

И была на крышке надпись:
«Здесь для воинской потехи
Острый меч лежит басрийский,
Шлем с забралом и доспехи.
Если каджи к нам нагрянут,
Мы отплатим им сторицей.
Кто оружие похитит,
Будет тот царубийцей».

Тариэл приподнял крышку.
В длинных яхонтовых ложах
Там лежали три убора,
На другие непохожих, —

Три меча, три светлых шлема,
Три блестящие кольчуги,
Наколенники стальные
И щитов литые круги.

Быстро витязи оделись
И сразились для примера.
От воинственного шума
Содрогнулась вся пещера.
Но кольчуги не согнулись,
Шлемы также устояли,
И мечи простые латы,
Как бумагу, рассекали.

«Славный знак! — сказали братья.
Сам господь нам оборона!»
Взяли три они убора —
Для себя и для Фридона,
Горстью злата зачерпнули
И отсыпали жемчужин.
И в пещеру возвратились
Продолжать веселый ужин.

Нарисуй мне здесь, художник,
Этих славных побратимов,
Этих храбрых и влюбленных
Полководцев-исполинов.
Скоро грянет час сраженья,
И увидите вы, дети,
Как они с врагом сразятся
В заколдованном Каджети!

Сказание двадцать шестое. О том, как витязи отправились к Нурадин-Фридону

Утром витязи проснулись,
Вход в пещеру затворили,
На коней могучих сели
И рабыню посадили.
В царство славного Фридона
Путь далекий их лежал.
Время шло, бежали кони,
Город издали сверкал.

Вечер был. Табун Фридона
Шел по пастбищам зеленым.

Тариэл сказал: «Давайте
Посмеемся над Фридоном:
Нападем на это стадо,
Отобьем его коней, —
Царь Фридон прискачет в гневе
И увидит здесь гостей».

Вот они помчались к стаду
По зеленым этим нивам.
Пастухи фонарь схватили,
Искру высекли огнивом
И вскричали: «Эй вы, люди!
Проходите стороной!
Кто коней Фридона тронет,
Отвечает головой!»

Но друзья, сжимая луки,
Погнались за пастухами.
Те в испуге закричали:
«Воры гонятся за нами!
Люди добрые, спасите!
Помогите! Караул!»
Шум поднялся, люд сбежался,
Свет от факелов блеснул.

Царь Фридон с отрядом стражи
Прискакал на место боя.
Два могучих незнакомца
В поле встретили героя.
Тариэл узнал Фридона
И сказал, снимая шлем:
«Царь, кого ты испугался
И отряд привел зачем?»

Знать, разбойников немало
Бродит около окраин,
Коль друзей и тех боится
Хлебосольный наш хозяин!»
С удивлением великим
Посмотрел на них Фридон,
И друзей своих, ликуя,
Заклучил в объятья он.

И сказал он, улыбаясь:
«Знать, не очень вы спешили!
Войско мы давно собрали
И к походу снарядили».

Тариэл смеялся шутке,
Улыбался Автандил,
И Фридон сиял, как месяц
Посредине двух светил.

В город гости поспешили,
И в чертогах у Фридона
Ждали витязей отважных
Три сверкающие трона.
Гости весело уселись
И хозяину для сеч
Поднесли убор военный,
Дорогой вручили меч.

После дружеского пира
И отличного купанья
Подарил Фридон героям
Дорогие одеянья.
И когда проснулись гости,
О походе и войне
Царь повел беседу с ними,
Запершись наедине.

«Пусть, — сказал он, — груб я буду,
Пусть нарушу я обычай,
Пусть с гостями поступаю
Против правил и приличий,
Но скажу я без утайки:
В путь-дорогу нам пора.
Если каджи возвратятся,
Не видать от них добра.

Путешествуя по свету,
Был когда-то я в Каджети.
Эта славная твердыня —
Крепость лучшая на свете.
Захватить ее возможно
Только хитростью одной.
Значит, нам большое войско
Бесполезно брать с собой».

Все с Фридоном согласились.
Триста всадников могучих
Отобрал Фридон в дорогу
И коней им выдал лучших.
Утром братья вышли к морю
И, галеры снарядив,

С домочадцами простились
И покинули залив.

Переехав через море,
На коней герои сели;
День и ночь они скакали,
Невредимые доселе.
Уж близка была граница.
И сказал Фридон: «Друзья,
Путь становится опасным,
Дальше двигаться нельзя.

Днем в оврагах укрываясь,
Будем пользоваться ночью.
Скоро грозную твердыню
Вы увидите воочью».
И с тех пор в ночном тумане
Шли они. И наконец
Подняла над ними крепость
Свой сверкающий венец.

Месяц сладостным сияньем
Заливал твердыню каджей.
Сторожили ход подземный
Десять тысяч храбрых стражей.
На скале чернела башня,
Упираясь в небосвод,
И бессонные ходили
Часовые у ворот.

Сказание двадцать седьмое. Взятие Каджети

Царь Фридон сказал героям:
«Вот, друзья, мое решение:
Если мы пойдем на приступ,
Будет страшное сраженье.
Обрекать себя на гибель
Было б слишком безрассудно:
Тут хоть сотню лет сражайся,
Взять ворота будет трудно.

С детства силу развивая,
Был я славным акробатом,
Перепрыгивал канавы,
Ловко бегал по канатам.

Кто из вас на выступ башни
Мой аркан закинуть может?
Пролетев над головами,
Он врагов не потревожит.

По натянутой веревке
Мне пройти — пустое дело.
Лишь миную я ворота,
Спрыгну на землю умело.
Налетев, подобно вихрю,
Перебью врагов без счета,
Проложу мечом дорогу
И открою вам ворота».

Автандил сказал Фридону:
«Ты, Фридон, известный воин,
Силой рук ты льву подобен
И похвал иных достоин.
Хороши твои советы
И заслуги боевые,
Но взгляни, как близко к башне
Ходят эти часовые.

Слыша звяканье оружия
И кольчуги легкий скрежет,
Стража вмиг тебя заметит
И веревку перережет.
Дело плохо обернется,
И погибнешь ты напрасно.
Принимать совет твой нынче
Безрассудно и опасно.

Если здесь плоха надежда
На военные успехи,
Под купеческим кафтаном
Лучше скрою я доспехи.
Погоня веткой мула,
Нагруженного поклажей,
Я пройду через ворота
И пропущен буду стражей.

В это время вам с отрядом
Нужно в скалах притаиться.
Если в городе со мною
Ничего не приключится,
Перебью я эту стражу
И ворота вам открою.

Вы появитесь внезапно
И ворветесь вслед за мною».

Тариэл сказал: «Я знаю,
Вы готовы драться смело.
Одного меня оставить
Вы желаете без дела.
Нет, друзья, царевна с башни
Всех увидит нас в бою.
Если я не буду биться,
Потеряю честь свою.

Мой совет вернее ваших:
На три малые отряда,
По сто всадников на каждый,
Нам разбиться нынче надо.
Лишь заря займется в небе,
К трем воротам с трех концов
Подлетим мы и с собою
Приведем своих бойцов.

Увидав, что нас немного,
Каджи бросятся навстречу,
От ворот мы их отрежем
И затеем с ними сечу.
Кто успеет, тот в ворота
Пусть прорвется на коне —
Там пускай он погуляет
И потешится вдвойне».

Царь Фридон сказал с улыбкой:
«Понял я, что это значит:
Конь его подарен мною,
Он быстрее всех доскачет.
Знай об этом я пораньше,
Не расстался б я с конем,
В крепость первым бы ворвался
И оставил вас вдвоем».

Посмеявшись этой шутке,
Братья так и порешили
И отряд бойцов могучих
На три части разделили.
Уж светлело на востоке.
Приближался лютый бой,
Приближалось исполненье
Изреченного судьбой.

Видел этих я героев,
Видел я сражение это.
Семь планет их покрывали
В эту ночь столпами света.
Тариэл, подобный солнцу,
На коне сидел могучем,
И твердыню пожирал он
Взором пламенным и жгучим.

Этих витязей отважных
С горным я сравню потоком.
Низвергаясь с гор высоких,
Мчит в ущелье он глубоком,
И ревет, и тяжело воет;
Наконец, впадая в море,
Успокоенный, смолкает
И несется на просторе.

Автандил был воин грозный,
И Фридон был крепок телом,
Но никто из них сразиться
Не желал бы с Тариэлом...
Рассвело. Планеты скрылись,
И померкнули Плеяды.
Тариэл с двумя друзьями
Тихо вышел из засады.

Словно путники простые,
Шли они неторопливо.
Стража их не испугалась
И ждала их терпеливо.
Но, проехав полдороги,
Братья гикнули и вдруг,
Словно вихорь, полетели,
И за каждым — сотня слуг.

Крепость вздрогнула от крика.
На дорогу пали трупы.
Барабан вверху ударил,
На стене завыли трубы.
Но друзья, надвинув шлемы,
Путь расчистили. И вот
Беспощадный и кровавый
Грянул бой у трех ворот!

И тогда постиг Каджети
Божий гнев неизмеримый.
Злобный Хронос¹⁴, глядя с неба.
Проклял город нелюбимый;
Опрокинул он на землю
Колесо небесных сводов,
И повергнутые трупы
Пали грудами у входов.

Мощный голос Тариэла
Заставлял терять сознание.
Витязь рвал мечом кольчуги,
Рушил латы, одеянья.
Осажденные ворота
Стража бросила с испугом.
Братья в город устремились
И ворвались друг за другом.

Лев Фридон, залитый кровью,
Скоро встретил Автандила.
Братья обняли друг друга,
Радость их преобразила.
Враг бежал куда попало,
Оставляя груды тел...
Но никто из них не видел,
Где сражался Тариэл.

С криком гнева и печали
Братья бросились к воротам,
Но в живых от целой стражи
Не осталось никого там.
Смотрят братья: смерть повсюду,
Кровь рекой, и стон, и ад,
И разбитые ворота,
С петель сорваны, лежат.

Десять тысяч лучших стражей
Пало здесь. И стало ясно,
Что могучий их товарищ
Здесь рубился не напрасно.
Братья к башне устремились,
Где зиял подземный ход,
И, готовые к сраженью,
Смело бросились вперед.

¹⁴ *Хронос* — древнегреческий бог времени, отец богов.

Поднялись они и видят:
Возвышаясь над толпою,
Тариэл стоит на башне
С обнаженной головою.
И разлука и скитанья —
Все осталось позади,
И прекрасная царевна
На его лежит груди.

Солнце так встречает розу,
Так Муштари справедливый
И Зуал — звезда печали, —
Заклучив союз счастливый,
Благодатными лучами
Заливают небосвод...
Только тот узнает счастье,
Кто печаль перенесет.

Так закончилось сраженье
В честь героя Тариэла.
Из бойцов его лишь только
Половина уцелела —
Остальные пали в битве
На развалинах Каджети.
Зарыдали три героя,
Услыхав известья эти.

С башни витязи спустились
И в последней жаркой схватке,
Захватив богатства каджей,
Перебили их остатки
И навьючили добычу
На три тысячи верблюдов —
Горы яхонтов граненых
И корзины изумрудов.

Шестьдесят оставив стражей
В завоеванной твердыне,
Повезли они царевну
В драгоценном паланкине.
Путь лежал их прямо к морю,
В славный град царя морского,
Чтоб с Фатьмою попрощаться
И домой вернуться снова.

Сказание двадцать восьмое.

Свадьба Тариэла и Нестан-Дареджан, устроенная царем Нурадин-Фридоном

Прибыл вестник в Гуланшаро
И привез царю посланье:
«Царь морей! С врагом покончив,
^Жажду я с тобой свиданья.
Тариэл, индийский витязь,
Я везу мое светило,
То, которое стрелою
Сердце витязя пронзило.

Пусть отныне крепость каджей
Будет крепостью твоею.
Мне Фатьма, жена Усена,
Помогла покончить с нею.
Выйди, царь, ко мне навстречу
И возьми Фатьму с собою —
Пусть она увидит солнце,
Возвращенное герою».

Царь возрадовался духом
И с великою поклажей
Вышел встретить Тариэла
И принять твердыню каджей.
Десять дней прошли в дороге.
Наконец среди степей
Караван царя морского
Повстречал своих гостей.

И Фатьма, узнав царевну,
Обняла ее, ликуя,
И воскликнула: «О солнце!
Вновь тебе служить могу я.
Осветился мрак печальный,
Расступилась темнота.
Зло мгновенно в этом мире,
Неизбывна доброта».

Ласково Фатьму целуя,
Ей царевна отвечала:
«Помнишь, я была в ущербе,
Тосковала и дичала?
Изливает ныне солнце
На меня свой дивный свет,
Я полна моей любовью,
И страданий больше нет».

Царь морей веселым пиром
Славных чествовал героев,
Раздавал гостям подарки,
Щедрость царскую утроив.
По монетам там ходили
Так, как ходят по песку;
Груды шелка там лежали
И парча — кусок к куску.

Дал венец он Тариэлу —
Не венец, а прямо диво:
Из большого гиацинта
Был он выточен красиво.
И еще принес в подарок
Драгоценный некий трон:
Был из золота литого
Этот трон сооружен.

Дал он мантию царевне,
Несравнимую доселе:
Бадахшанские рубины,
Как цветы, на ней горели.
Каждый воин Тариэла,
И Фридон, и Автандил
Славный дар, неоценимый
В этот вечер получил.

С благодарностью великой
Получив подарки эти,
Тариэл Фатьме оставил
Все, что вывез из Каджети.
Снарядил корабль он в море
И, пролив потоки слез,
В царство славное Фридона
Деву юную повез.

Там их встретили вельможи
И соратники Фридона.
Вся округа содрогалась
От торжественного звона,
Барабаны громко били,
Трубы медные трубили,
С ликованием великим
Люди толпами ходили.

Был в тот день в Мульгазанзаре
Шум великий на базаре:
Все купцы, закрыв торговлю,
Шли навстречу юной паре.
Сотни стражей с топорами
Охраняли путь в чертоги,
Но бесчисленные толпы
Заливали все дороги.

Ко дворцу подъехал поезд,
Вышли слуги цепью длинной:
Золотой на каждом пояс
И в руках — ковер старинный.
На ковер чета ступила,
Всю толпу осыпав златом,
И Асмат, встречая деву,
Слезы радости лила там.

Обняла ее царевна
И, лаская, говорила:
«Горе мне, моя родная!
Всю тебя я истомила.
Но господь меня услышал
И луну не отдал змею.
За твое большое сердце
Чем воздать тебе сумею?»

И Асмат ей отвечала,
Удержать не в силах слезы:
«Слава Богу, минул холод,
Не увяли наши розы.
Что тебя я не забыла —
Вот одна моя заслуга.
Ныне в радости сердечной
Не покинем мы друг друга».

И Фридон в своих чертогах
Свадьбу царственную справил
Пышный трон бело-пурпурный
Новобрачным он поставил;
По бокам его горели
Красно-желтые каменья.
Автандилу трон особый
Был устроен в отдаленье.

Вот жених с невестой сели,
И певцы запели хором,

И поднес Фридон царевне
Дорогой ларец с убором.
Ожерелье там лежало
И граненое кольцо,
Было девять там жемчужин
С голубиное яйцо.

Был еще там некий камень,
Брат прозрачному рубину.
Живописец с этим камнем
Ночью мог писать картину.
Точно маленькое солнце,
Ярким светом он горел.
С благодарностью великой
Принял камень Тариэл.

Автандилу в знак любви
Царь поднес большое блюдо,
Но не каждый гость сумел бы
Приподнять такое чудо.
Чистым выложено златом,
Крупным жемчугом полно,
Тяжелей щита литого
Показалось мне оно.

Восемь дней играли свадьбу.
Каждый день молодоженам
Подносили дар особый,
Приготовленный Фридоном.
Восемь дней звенели арфы,
Каждый весел был и пьян.
Так женою Тариэла
Стала Нестан-Дареджан.

Сказание двадцать девятое.

О том, как по пути в аравию Тариэл заехал за своими сокровищами

Тариэл сказал Фридону:
«По желанью Автандила
Я вернулся к этой жизни,
Потушив свое горнило.
Чтоб найти мою царевну,
Витязь жертвовал собою.
Одержав победу, ныне
Я хочу помочь герою.

Разыщи ты Автандила
И спроси: чего он хочет?
Почему в уединенье
Слезы горестные точит?
Мы в Аравию поедем —
Таково мое решенье.
Кто пожертвовал собою,
Тот достоин утешенья.

Мы в Аравию поедем,
Мудрых там смирим речами,
Непокорных и строптивых —
Беспощадными мечами.
Коль царица Тинатина
За моим не будет другом,
Я жене моей любимой
Не желаю быть супругом».

Услыхав такие вести,
Автандил, смеясь, ответил:
«Ждет меня моя царица,
Трон ее велик и светел.
Ей ничто не угрожает —
Ни война, ни племя каджей.
Что в Аравии нам делать
С боевой дружиной нашей?

Срок придет — и совершится
Предназначенное Богом,
Пожалеет он скитальца,
И придет конец тревогам.
Лишь тогда проникнет в сердце
Луч небесного светила;
До тех пор напрасны будут
Все метанья Автандила.

Одного лишь я желаю —
Чтобы в Индии великой
Таризл на царском троне
Утвердился солнцеликий,
Чтобы рядом с ним сидело
Солнце с молнией во взоре,
Чтоб друзья его окрепли,
А враги погибли вскоре.

И когда в индийских землях
Мы отпразднуем победу, —

Чтоб мое увидеть солнце,
Я в Аравию поеду.
Если дева пожелает,
Мой огонь она потушит.
А пока мое оружие
Тариэлу пусть послужит».

И когда Фридон герою
Передал такие вести,
Тариэл сказал: «Могу ли
Я забыть про дело чести?
Автандил нашел царевну
И сберег мое дыханье,
Я должник его навеки.
Прекратим же пререканье.

Передай ему: поеду
Я в Аравию с женою.
Пусть забудет царь великий
О рабах, убитых мною.
О царице Тинатине
Буду я молить учтиво,
И окончится, я верю,
Сватовство мое счастливо».

Так решили братья ехать
В край далекий Ростевана.
По бокам от каравана
Шла великая охрана.
Солнце было в середине,
В драгоценном паланкине;
Пламя ясное горело
В бадахшанском том рубине.

И казалось всем прохожим,
Что высоко над землею
Три луны сопровождают
Солнце стражею тройною.
Вдоль по берегу морскому
Путь тянулся много дней.
Наконец вблизи пещеры
Слезли витязи с коней.

И сказал тогда индеец:
«Вот где, бедный, я скитался!
Коль запас копченой дичи
В кладовой у нас остался,

Пусть Асмат гостей накормит
И устроит отдохнуть.
Время к вечеру подходит,
Впереди — далекий путь».

Сели путники у входа,
Подкрепились олениной
И в пещеру углубились,
Чтоб увидеть клад старинный.
Снял свои печати витязь,
Двери настежь отворил,
И бесценными дарами
Всех друзей он наградил.

Славным воинам Фридона
Столько роздал он добра там,
Что, вернувшись из похода,
Каждый воин стал богатым.
Хоть и щедр был юный витязь,
Но не мог раздать всего,
И нетронутым казался
Клад бесчисленный его.

Тариэл сказал Фридону:
«Лев, должник я твой навеки.
Увенчать наградой должно
Добродетель в человеке.
Этот клад неисчислимый
Приношу тебе я в дар,
Погрузи его скорее
И отправь в Мультгазанзар».

С благодарностью великой
Поклонился царь герою
И сказал: «Не по заслугам
Возвеличен я тобою.
Если враг подобен дубу,
Пред тобой он — как тростник.
Буду счастлив я, доколе
Твой прекрасный вижу лик».

Погруженный на верблюдов,
Клад отправлен был в столицу.
Снова в путь друзья пустились
И арабскую границу
Миновали на рассвете,
Шумной встречены толпой...

Автандил — ущербный месяц —
К солнцу путь направил свой.

О движенье каравана
Слух дошел до Ростевана.
По взволнованной столице
Звук пронесся барабана.
Щеки юной Тинатины
Озарил поток лучей;
Тень ресниц, краса рубина,
Пала около очей.

Уж коней седлали слуги,
И войска в составе полном
Выходили за ворота
Шагом мерным и проворным.
Окруженный пышной свитой,
Престарелый ехал царь,
Чтобы встретить Автандила,
Как встречал его и встарь.

И когда в далеком поле
Пыль столбами за клубилась,
Автандил сказал герою:
«Окажи свою мне милость.
Стыдно мне и непристойно
Показаться пред царем, —
Я раскину здесь палатку,
Поезжайте вы вдвоем».

Тариэл, покинув друга,
Поскакал вперед с Фридоном.
Автандил шатер походный
На лугу разбил зеленом,
И царевна с ним осталась.
И, с ресниц ее слетая,
Легкоструйные зефиры
Дули, в воздухе играя.

Старец с радостью великой
Дорогого гостя встретил.
Тариэл сошел на землю,
Ликом радостен и светел.
Поклонился он владыке.
Обнял царь его, как сына,
И дивился, что такого
Повстречал он исполина.

Поздоровавшись с Фридоном,
Царь на стражу оглянулся
И, не видя Автандила,
Задрожал и ужаснулся.
«Царь, — сказал прекрасный витязь,
Твой любимец недалече.
Есть ему причина медлить
И бояться этой встречи».

На ковер уселись гости,
Окружили их отряды.
Свет блеснул в очах героя,
Как мерцание лампы.
«Царь, — сказал индеец снова, —
Пред тобой я только воин,
И просить тебя, владыку,
Ни о чем я недостоин.

Все ж осмеливаюсь ныне
Я молить за Автандила.
Уж была мне в этом мире
Уготована могила —
Дал он мне бальзам волшебный,
Исцелил меня от муки.
Ныне сам он истомился,
Умирая от разлуки.

Царь, давно друг друга любят
Автандил и Тинатина.
Пожалей, самодержавный,
Полководца-исполина!
Вот стою я пред тобою
С беспримерною мольбою:
Царь, отдай свою царевну
Крепкорукому герою!

Ничего прибавить больше
К этой речи я не смею...»
Свой платок достал тут витязь,
Повязал его на шею;
Словно раб перед владыкой,
Он упал пред Ростеваном.
Удивлялся каждый воин
Униженьям этим странным.

И смутился сам владыка
И сказал: «О боже правый!
Как ты можешь унижаться,
Ты, с твоею чудной славой?
Кто тебе в малейшей просьбе
Отказать имеет силу?
Знаю я, что в целом мире
Нет подобных Автандилу.

Царство дочери я отдал,
Им она теперь владеет.
Юный цвет произрастает.
Старый сохнет и желтеет.
Как могу своею волей
Поразить я дочь недугом?
Возлюбил я Автандила,
Быть ему ее супругом».

Тут Фридон к шатру помчался
И вернулся с Автандилом.
Витязь, лик платком скрывая,
Смутным выглядел светилом.
Так за облаком туманным
Солнце осенью мерцает,
Но краса его вовеки
Оттого не убывает.

Обнял царь его счастливый
И сказал: «Приспело время,
Облегчил мое ты горе,
Снял моих печалей бремя.
Лев, пойдем скорее к солнцу!
Ждет гостей веселый пир.
Пусть на свадьбе Тинатины
Погуляет божий мир!»

На коней герои сели
И к супруге Таризла
Поспешили. И царевна
Из шатра на них глядела;
Из очей лилось сиянье,
Ослепившее царя.
Нет, не зря сражался витязь,
И томился он не зря!

«Солнце, — царь сказал в восторге,
Свет безоблачный! Какую

Похвалу воздам тебе я?
С чем сравнить тебя могу я?
Солнце ты, и месяц ясный,
И планета из планет.
Не хочу смотреть на розы,
Увидав тебя, мой свет!»

И с супругой Таризэла
Снова двинулись все вместе
Во дворец царя арабов,
Чтоб вручить дары невесте.
Семь планет пылают в небе,
Все они равны одной —
Той, которая сегодня
Ожидает их домой.

Сказание тридцатое. Свадьба Автандила и Тинатины, устроенная царем арабов

Автандил и Тинатина
На высоких сели тронах —
Оба в мантиях пурпурных
И рубиновых коронах.
Так, свое исполнив слово
И печаль преодолев,
Самый сильный между львами,
Солнцу солнц достался лев.

И сказал им царь: «О дети!
Дай вам Бог с великой славой,
В долгоденствии и мире
Управлять моей державой.
Будьте крепки вы душою,
Доблесть царскую храня,
И своими вы руками
Положите в гроб меня».

Указав на Автандила,
Царь сказал своей дружине:
«Вот ваш царь. По воле божьей
Здесь он царствует отныне.
Укрепит он наше царство
И врагов рассеет тьму.
Так же, как вы мне служили,
Послужите и ему».

И прославила дружина
Волю праведного неба.
Принесли ей из амбаров
Горы яств и груды хлеба,
Много там перекололи
И баранов и коров,
И немало каждый воин
Получил в тот день даров.

Гиацинтовые чаши,
И чеканная посуда,
И рубиновые кубки
Появились из-под спуда,
И вино из ста фонтанов
Там струилось до зари,
И гремели там цимбалы,
И смеялись там цари.

День ушел — другой в начале.
Снова кубки застучали.
Жемчуг катится, рассыпан.
Свет колеблется в кристалле.
Дорогие ожерелья
Отягчают сотни тел.
Служит дружкой Автандилу
Царь индийский Тариэл.

И, склоняясь к Тариэлу,
Ростеван сказал, пируя:
«На твое, владыка, солнце
С восхищением смотрю я.
Нет тебе на свете равных,
Нет другой такой жены.
Ваши славные престолы
Выше всех стоять должны».

И поставили их троны
В этот день на возвышенья,
И поднес им царь арабов
Дорогие подношенья:
Скипетр каждому вручил он,
И порфиру, и венец.
И детей своих любимых
Одарил в тот день отец:

Дал он им рубин огромный
Из округи бадахшанской,

Восемьсот камней, снесенных
Некой курицей романской,
Светлых тысячу жемчужин
С голубиное яйцо
И табун коней отборных,
Шею выгнувших в кольцо.

И Фридону подарил он
Девять блюд, и в каждом блюде
Груда жемчуга лежала —
Чуть внесли их в залу люди.
Подарил ему он также
Девять избранных коней:
Каждый конь был ростом с гору,
И смолы он был черней.

Что еще сказать могу я
О веселом этом пире?
Уж таких пиров прекрасных
Не бывает больше в мире.
Тридцать дней гуляли гости,
Каждый весел был и пьян.
Так своим любимым детям
Справил свадьбу Ростеван.

Наконец сказал владыке
Царь индийцев: «Быть с тобою
Рад бы я до самой смерти,
Но страна моя, не скрою,
Ныне занята врагами,
И отцовский мой престол
Осквернил коварный недруг
И к забвению привел.

Знание, сила и искусство
Мне вернут страну родную.
Отпусти меня, владыка,
Об отчизне я тоскую!
С лютым недругом покончив,
Я вернусь к стопам твоим.
Будь здоров, живи счастливо,
Силой Божией храним».

И ответил царь арабов:
«Автандил с огромным войском
Будет верный твой помощник
В том сражении геройском». —

«Что ты, царь! — воскликнул витязь.
Как ему идти со мной!
Как расстаться может солнце
С новобрачною луной?»

Автандил, смеясь, ответил:
«Не покину в битве друга.
Разве воина удержит
Дома милая супруга?»
Обнялись два верных брата.
Смех веселый их звучал,
Как осыпанный цветами
Звонкий свадебный кристалл.

Тысяч восемьдесят смелых
На конях предстали белых,
Все в доспехах хорезмийских,
В разных набраны пределах.
Братья с женами простились
И отправились в поход.
Ростеван с великим горем
Провожал их до ворот.

Заключение

Минул долгий срок скитанья,
Все свершились упования:
На семи индийских тронах
Царь воссел, забыв страданья.
Трубы звонкие трубили.
Барабан, ликуя, бил,
И царица там сияла,
Как светило из светил.

Целой Индии властитель,
Всех сокровищниц хранитель,
Таризл на царском троне
Был могучий повелитель.
Так он жил до самой смерти,
Весел, счастлив и богат,
И седьмым его уделом
Мудро правила Асмат.

Верен царственным законам,
Укрепил он власть за тронном
И всегда был в крепкой дружбе

С Автандилом и Фридоном.
Как огня, их враг боялся
И напасть на них не смел:
Где сражались два героя,
Третьим бился Тариэл.

Осыпая верных золотом,
Сделал он народ богатым.
Сирота там не был нищим,
И не плакала вдова там.
Меч его карал виновных,
Всюду властвовал закон.
Волк с овцой там мирно пасся,
И овцу не трогал он.

И об этих властелинах,
Этих мудрых исполинах,
Кто прославлен был в походах
И в сражениях старинных,
Кто в несчастиях друг друга
Никогда не покидал, —
Месх¹⁵ я некий, Руставели,
Эту повесть написал.

¹⁵ Месх — уроженец Месхети, южной провинции Грузии.